

Дарья Сокурeнко

ВЫШЕ ВСЕХ

18+

Дарья Сокуренок

Выше всех

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70240981
SelfPub; 2024*

Аннотация

Всемогущие бессмертные драконы могут все, кроме как касаться друг друга. Чтобы продолжить свой род и произвести на свет наследника, принцессе огненных драконов придется переступить через собственную гордость и разделить ложе с простым смертным, лица которого она даже никогда не видела.

Содержание

Ритуалы	4
Сражения	26
Вторая попытка	38
Игры	47
Сны	57
Мысли	70
Пещера	77
Смерть и рождение	89
Ответы	96
Конец пути	110

Дарья Сокуренок

Выше всех

Ритуалы

В торжественном зале витал кружащий голову запах благовоний. Мерный гул духовых инструментов вводил присутствующих в транс, заставляя неотрывно следить за тем, что происходило на громоздком алтаре в центре. Принцесса Хиастолина стояла в этой толпе среди прочих подобных ей, пусть не по статусу, а по природе своего существа, и как прочие с замиранием сердца завроженно наблюдала, как лазурная чешуя древнейшей из их рода начинала светиться. Эта невероятная картина несла в себе главную мысль: абсолютного бессмертия не бывает. Когда-нибудь все кончается. И самые великие завершая свой путь обращаются в ничто, становясь частью Вселенной. Шунгиата и так правила этим миром слишком долго. Ее сила стала настолько велика, что разрушала тело своей владелицы. В последнее время ей все тяжелее было возвращать себе человеческий облик. Теперь королева драконов Шунгиата растает под натиском прорывающейся изнутри энергии, чтобы возродиться где-то в другом мире, начать свою жизнь заново, ничего не помня о прошлом, в роли магического существа, которого уже ничего

не связывает с бранным человечеством. С горящей в руках свечи скатилась жгучая капля растаявшего воска, обжигая пальцы Хиастолины и отвлекая на себя ее внимание. Когда принцесса снова подняла свой взгляд – алтарь уже был пуст. Стоило на мгновение отвлечься, и той, кого она знала всю свою жизнь с самого рождения, на кого надеялись и опирались все кто присутствовал на этом печальном и торжественном ритуале, навсегда не стало.

Она поискала взглядом Касситериана, но не смогла найти его в толпе. Хиастолина встретила его уже после церемонии. Когда, перешептываясь, члены благородных королевских семей покидали зал, она заметила его стоящим за широкой колонной. Касситериан поманил ее жестом. Осторожно оглядываясь, Хиастолина незаметно выскользнула из пестрого потока разноцветных мантий и нырнула в тень высокой стены, где ее ждал любимый. Они стояли молча, слишком близко, чтобы игнорировать присутствие друг друга. Он рассматривал ее алые очерченные губы. Она, опустив взгляд, вертела в руках давно погасшую свечу, пока ей это не надоело и она не отбросила ее в сторону.

– С нами будет тоже самое, – Хиастолина не хотела этого говорить, но все равно сказала. – Когда-нибудь и мы исчезнем. Вот так. Все наше величие растает в слепящем свете.

– У нас есть целая вечность до этого момента, – Касситериан невесомо провел по ее волосам, и по колонне, у которой они стояли, пронеслись молнии. – Как ты вообще можешь

думать об этом? Все мои мысли только лишь о тебе одной.

Принцесса оглянулась, чтобы убедиться, что все уже ушли и никто за ними не наблюдает.

– Я тоже грежу о тебе, – сказала Хиастолина.

Он схватил ее за талию и притянул к себе. Она ощутила, как по ее телу вверх поднимается пламя, и как от его дыхания веет ледяным холодом заснеженных горных вершин. Глаза Касситериана стали золотыми, какими могут быть только у истинных драконов. Их губы соприкоснулись. Две непомерно великие силы столкнулись друг с другом. Прокатились волнами по ближайшим мирам, вызывая бури, сотрясая небо, зажигая в нем разноцветные огни. Этот невинный поцелуй – больше, чем они могли себе позволить. Судьба жестока. Самые великие, несомненно созданные друг для друга, не имели возможности друг друга касаться.

– Продолжение рода.

– Что?! – раздраженно перебила Хиастолина. – Разве мы не обсудили уже этот вопрос?!

– Я просто передаю волю Вашего отца, – Ларима служила принцессе уже многие века и прекрасно понимала, что она, как и другие члены королевских семей, так или иначе делает все, чтобы сохранить величие, поэтому даже не собиралась прилагать усилия, чтобы уговаривать ее. – Вы не можете пренебрегать своими обязанностями.

– Почему он сам не скажет? – Хиастолина продолжа-

ла упрямитесь, ища лазейку, чтобы избежать предстоящего унижения, хоть и знала, что это невозможно.

– Вокруг Его Величества слишком много ушей, – придворная дама задумчиво листала украшенный золотыми узорами талмуд, изучая порядки и правила для продолжения драконьего рода. – В таких вещах скрытность – самый надежный соратник.

– А как же мои сестры? – Хиастолина с отвращением представляла, что ее, наследницу величайшего рода огненных драконов, будет касаться своими грязными руками какой-то жалкий смертный человек; от подобных мыслей ее тело холодело и голова шла кругом. – Почему эта жалкая участь не досталась им?

– Вы должны быть заинтересованы в этом больше остальных, – искренне не понимала свою госпожу Ларима. – Наследник укрепит Вашу власть. И даже лучше если их будет несколько. В конце концов Аксинита и Гиперса тоже прибегнут к этому, и чаши весов закачаются.

– Никто не должен знать.

– Только мы и пара самых молчаливых служанок.

Назначенный день настал слишком быстро. Не желая торопиться, Хиастолина прогуливалась вдоль крутого берега реки. Подол ее длинного платья скользил по земле, мягко перекатывая мелкие камешки и веточки, оставаясь при этом абсолютно целым и чистым, как и положено подолу коро-

левского платья. Она остановилась, заметив темную ленту, разрезавшую перистые облака. Касситериан тоже увидел ее и спустился. Он так спешил, что ступил на землю, еще не обратившись до конца. Речной берег под их ногами превратился в стекло, как и несколько стоящих поблизости молодых деревьев. Хиастолина не возражала. Ее не пугала его ледяная магия – полная противоположность таящегося внутри нее огня.

– Ты искала меня? – с нескрываемой надеждой спросил Касситериан.

Хиастолина внимательно взглянула на него, словно не видела никогда прежде или пыталась запомнить. Она никогда не встречала кого-то настолько красивого, как принц ледяных драконов. Величественный и благородный. Его будто высеченное из белого мрамора лицо и гордый стан, казались ей единственным, что было под стать ее красоте. Происхождение Касситериана ничем не уступало ее собственному. Только он был тем единственным, кто был достоин быть с ней рядом. Созданные друг для друга. Не иначе. У нее возникло чувство, что они прощаются. Хоть это, конечно же, было не правдой, и возможно их ожидает очередная встреча уже сегодня вечером.

– Я всегда ищу тебя, – с улыбкой призналась Хиастолина, и это была чистая правда. – Каждый миг, что мы не вместе, я думаю лишь о том, когда увижу тебя снова.

– Твои слова делают меня счастливым, – сказал Кассите-

риан, и ее лицо сделалось печальным, рядом с ним ей всегда хотелось делиться своими чувствами и переживаниями. – Что случилось? Что огорчило тебя, свет мой?

– Власть и могущество воруют нашу свободу, – внезапно налетевший ветер растрепал ее гладкие бледно-пепельные волосы, невольно сделав ее вид еще более встревоженным. – Нам приходится идти на уступки. Я готовлю Грамоту, мне нужны наследники.

Касситериан не ожидал услышать подобное. Он крепко сжал зубы и поднял глаза к небу, кляня его за жестокость. Ему как никому другому был предельно ясен смысл сказанных ей слов. Он поддался секундному порыву и прижал ее к себе. Земля под их ногами содрогнулась и пошла трещинами. Исходящие из его тела бледно-голубые волны холода столкнулись с охватившим ее ярко-красным пламенем. Вокруг бушевала стихия. Потемнело небо, разрываемое молниями. Но Касситериан продолжал держать ту единственную, которую любил немислимой для смертных любовью, в своих объятиях.

– Не желаю видеть его лицо, – сказала Хиастолина, нахмурившись рассматривала расстеленную постель перед ней.

Ларима понимающе кивнула и удалилась, оставив принцессу огненных драконов наедине с ее душевными терзаниями, вызванными приближением ранящего ее гордость унижительного события. В соседней комнате к их встрече гото-

вился Молес. Он был вымыт и надраен чуть ли не до блеска и в жизни не чувствовал себя настолько чистым, хоть его и сложно было назвать грязнулей. У него не было тяжких душевных терзаний, как и гордости королевской особы. Молес был бравым воином, побывавшим во многих сражениях, и ради спасения своего мира был готов даже жизнь свою отдать, если бы это помогло, не то что разделить ложе с драконом. Дама в дорогом, но неброском платье, обладательница строгого выражения лица и неестественно прямой спины, сделала какие-то движения руками и сообщила:

– Ее Высочество пожелала, чтобы Ваше лицо было скрыто.

– Есть какие-то правила? – напоследок спросил Молес.

– Не провоцируйте ее, – будничным тоном предупредила Ларима. – Если она Вас убьет – это нарушит Контракт, что может навредить здоровью будущего ребенка или Ее Высочества. Что-нибудь еще?

– Да, – он раздраженно оттянул ворот рубашки. – В этих шелковых тряпках я чувствую себя шутком.

Придворная дама бросила на него презрительный взгляд и молча удалилась. Молес вошел в покои, специально приготовленные для зачатия очередного королевского драконьего отпрыска. «Если она страшна, как старый демон, – подумал он, – закрою глаза и представлю Галею, ее нежные руки и мягкие плечи. Пусть в этом мало воинской доблести, но это в любом случае должно быть легче и приятней, чем

вспороть пузо сангъяку и искупаться в его кишках. Да и, в конце концов, она не только дракон, но и в первую очередь женщина. Хватит робеть – соберись!»». Но все эти спутанные мысли покинули его, когда он увидел эту девушку, стоящую возле постели в похожем на ночную сорочку легком платье из шелка подобного тому, из которого сшили натянутые на него штаны и рубашку. Кроме кровати здесь ничего не было, только свисающие с потолка до самого пола бесчисленные прозрачные ткани: белые, голубые, розовые, кремовые – их цвета сливались, они мешали четко разглядеть точеную женскую фигуру и рассеивали свет больших окон. Хиастолина обернулась и безразлично наблюдала, как незнакомый ей мужчина, лицо которого было размыто заклинанием, двигался в ее сторону, путаясь в лабиринте ритуальных вуалей. Когда между ними оставался лишь один последний кусок прозрачной белой ткани, он остановился. Она не видела его глаз, но точно знала, что он рассматривает ее.

– Я... – наконец решился нарушить молчание Молес, но Хиастолина резко перебила его:

– Ничего не говори! – приказал наследная принцесса. – Мне не нужно ничего о тебе знать. Держи себя в рамках. Выполни свою роль и получишь свою награду. Человек.

До этих слов он и правда замороженно смотрел на нее не в силах оторвать взгляд. Но теперь все, чем Молес был очарован мгновение назад: вся утонченность и изящество плавных линий, осиная талия и гордо расправленные плечи, длинные

ресницы, ровные нос, острые подбородок, очерченные губы, черные брови, светло-пепельные прямые волосы, опускающиеся вниз до самого изгиба бедер, фигура, словно образ прекраснейшей девы, изображенный гениальным художником, куда там деревенской красавице Галеи – все разбилось об холодный высокомерный тон. Он раздраженно одернул разделявшую их вуаль и вторгся в ее пространство. Хиастолина не отшатнулась, не сделала испуганного шага назад. Пусть мужчина был на почти на две головы выше нее, пусть больше в пять раз – она была принцессой огненных драконов и могла испепелить его на месте одним движением руки. Это ему стоило ее бояться. И тем не менее Хиастолина вдруг ощутила странный иррациональный страх, будто она сейчас абсолютно беззащитна перед ним.

– Чего ждешь? Приступай! – она попыталась перебороть растущий внутри трепет презрительным тоном и взглядом, способным поставить на место кого угодно. – Не трать мое время.

Не говоря ни слова, Молес стянул с себя рубашку, которая явно задумывалась свободной, но еле налезла на его накачанные тяжелым оружием руки и даже треснула в нескольких местах. Хиастолина с трудом выдержала и не отвела вызывающий взгляд. Так или иначе ей было не по себе, ведь этот большой незнакомый мужчина должен был сейчас овладеть ее телом. Сердце драконьей принцессы заколотилось, по бедрам через лоно вверх начал подниматься жар, какого она

раньше не ощущала, даже несмотря на то, что пламя было ее стихией. Широкая мускулистая мужская грудь помимо воли притягивала ее взгляд.

– Раздевайся, – сказал Молес, и ее глаза на мгновение вспыхнули ярким светом, что было бы невозможно будь она обычным человеком.

– Как ты смеешь?! – попыталась осадить его Хиастолина, теряя самообладание.

– Раздевайся, – снова повторил он. – И ложись. Мне некогда с тобой возиться – у меня полно дел.

В его памяти всплыла просьба строгой дамы не провоцировать ее, но Молес ничего не мог с собой поделать, больше всего на свете его выводило из себя чье-то высокомерие. Чем это драконье племя, поселившееся в дорогих замках, восседающее на груди золота, считающее себя правителями всего вокруг, лучше жителей его скромной деревеньки? Непомерная сила не дает им права смотреть с висока на других. Заносчивость избалованной принцессы не вызывала в нем никаких теплых чувств. В его душе возникло непреодолимое желание хорошенько встряхнуть ее. Поставить на место.

– Какое право ты имеешь со мной так разговаривать? – Хиастолина почувствовала, что готова вот-вот разорвать его на куски, несмотря ни на какие последствия. – Ты хоть понимаешь, кто перед тобой?

– Да мне, собственно, все равно, – Молес сбросил с себя мягкую обувь, предусмотренную специально для королев-

ских покоев, и начал снимать штаны. – Давай закончим с этим побыстрее. Чего ты ждешь? Или меня испугалась?

С трудом сдержав очередной приступ накатившего на нее горячей волной гнева, Хиастолина следуя его примеру сняла с себя платье, под которым не было ничего кроме ее прекрасного обнаженного тела, и отбросила прочь. Осталось лечь. Сжимая исшитые золотом покрывала, словно в поисках опоры, гордая наследница драконьего престола, лишившаяся одежды и переступившая через собственную гордость ради поддержания рода и его власти, опустилась на расстеленную для нее и этого ничтожного смертного постель и, откинувшись на мягкие подушки, изможденно закрыла глаза. Наблюдавший за ней воин из другого мира тяжело вздохнул. У него не было никаких личных счетов к этой гордой девушке, одаренной бессмертием и безграничной силой. На вид она была моложе его, на деле же не исключено, что ее появление на свет произошло еще до зарождения его родного мира. И тем не менее она лежала перед ним такая хрупкая и беззащитная. «Очередной обман! – одернул себя Молес. – Это не девушка – это демон во плоти! Смотришь на меня свысока, но что ты скажешь теперь?». Он положил свою широкую ладонь на ее лодыжку и повел ей вверх по бархатной коже до колени и выше. Когда его рука заскользила по ее бедру, Молес резко развел ее ноги в разные стороны и, взобравшись на постель, оказался между них, нависая над оцепеневшей драконьей принцессой. Хиастолина ощутила бли-

зость его дыхания и открыла глаза. И пускай лицо перед ней было скрыто непроницаемой пеленой наложенного заклинания – она знала, что перед ней самый настоящий живой человек и самообман не поможет ей уйти от реальности.

– Мерзкий человек, – прошептала Хиастолина, стараясь унять предательскую дрожь в теле. – Ты грязный. От тебя разит. Ты воняешь.

Этот детский укол раздражил Молеса еще больше. Он никогда не был грязнулей. К тому же перед их встречей королевские служанки выскоблили его тело до такой чистоты, что ему казалась – оно лишилось любых запахов, а кожа стала светлее. И хоть это было совершенно не в его духе, Молес с неистовой силой захотел сделать ей больно, чтобы она рыдала и умоляла его прекратить. Не раздумывая, он пристроился и резко вошел в нее на всю длину. Ее тело пронзила сильная боль. Хиастолина поджала пальцы ног и закрыла ладонями лицо, но вопреки его ожиданиям не издала ни звука. Он ждал ее реакции, но она не плакала, не кричала, не ругала его последними словами.

– Как же это унизительно, – с грустью в голосе произнесла драконья принцесса. – Теперь я тоже грязная.

Ему стало стыдно за свой поступок. Никто не заслуживал такого обращения с собой. Ни одна девушка, будь она даже самым могущественным из драконов, не заслуживала быть лишенной невинности подобным образом. Тем более, что вся эта горделивая бравада очевидно была обычной по-

пыткой защитить себя в столь отвратительной ситуации.

– Ничего не унижительно. Посмотри на меня, – он отнял ее ладони от лица, не понимая, что его собственное надежно скрыто от нее. – Все будет хорошо, – Молес погладил ее длинную шею и хрупкие плечи и осторожно покинул ее изможденное грубым проникновением лоно. – Мы очень хорошо проведем время. С удовольствием. А после просто забудем об этом. Как тебе такое? Вот увидишь тебе понравится. Просто расслабься.

Хиастолина недоверчиво посмотрела на него и отвернулась. Поделаться с этим уже ничего нельзя было. Поздно отступить. Контракт уже заключен. Осталось только принять свою судьбу и смириться. Неожиданно он припал губами к ее шее и ключицам, лаская рукой ее бедра и изгиб тонкой талии. С самого рождения никто не прикасался к ней, кроме служанок, принадлежащих ее миру, но лишенных каких-либо сил. Разрушающие все вокруг мимолетные поцелуи ее драгоценного Касситериана даже близко не стояли рядом с тем, что вытворял с ней этот жалкий смертный.

– Не нужно делать ничего лишнего, – она попыталась постеречь его, но он был непоколебим.

– Это не лишнее, – сказал ей его голос, раздающийся откуда снизу между ее грудей, опускающийся дальше по предательски разнежившемуся телу. – Если бы так можно было – ты бы подоила меня, как корову, и залила в себя мое семя. Но раз мы здесь, в этой постели, значит нужно, чтобы ты

приняла меня. Не сопротивляйся. И не бойся.

– Чего мне бояться? – возмутилась Хиастолина.

Его голова неожиданно оказалась между ее бедер, обжигая горячим дыханием. Незнакомый мужчина, лица и имени которого она даже не знала, подарил ей самый грязный и неприличный поцелуй, какой она только могла себе представить. Пока его язык ласкал ее, странное тепло, зародившееся внизу где-то в глубине ее тела, поднималось вверх, захватывая ее полностью. Растекаясь в груди, оно дарило неожиданное ощущение легкости и защищенности. В ее непокорном сердце зародилось доверие, а неумолимо возрастающее наслаждение, сорвало с алых губ томный стон удовольствия. Его широкие ладони прижимали ее тело к нему до тех пор, пока ее голос не стал звучать настолько громко, что возникла опасность, что их могут услышать. Тогда он бросил это занятие, оставляя ее тяжело дышать, и снова начал изучать ее тело. Его поцелуи отмечали внутреннюю поверхность бедер, пока грубые ладони скользили по ее нежной коже. Горячий язык начертил мокрую дорожку на плоском животе по пути к вздымающейся груди, чтобы позволить губам сомкнуться вокруг отвердевшего соска. Он приподнялся на локтях, провел рукой по разбросанным на подушках волосам и заглянул в затуманенные удовольствием глаза.

– Вот видишь, – ласково прошептал Молес, – это может быть очень хорошо.

Он снова вошел в нее. На этот раз медленно и нежно. Ее

влажное от ласк лоно, приняло его в себя легко. Молес двигался осторожно, снова срывая с нее стоны, заглядывая ей в лицо, чтобы убедиться, что ей приятно каждое его движение. Наконец она подалась ему навстречу, обхватив руками его крепкую шею. Ее движения разожгли желание в нем. Молес никогда не жаловался на мужскую силу, но такого жгучего возбуждения не испытывал даже во время взросления. Он ощущал, что готов излиться в любой момент, но не мог позволить себе завершить все, не показав ей на что способен. В нем крепла решимость довести ее до пика удовольствия. Она же хоть и таяла в его объятьях, но была еще слишком далека от этого. Не в силах вырваться из ее рук, прижимающих его к содрогающемуся от плавных толчков нежному женскому телу, Молес, не выходя из нее, сел. Хиастолина оказалась сверху. Теперь она задавала темп, запустив свои тонкие пальцы в его жесткие волосы и с каждым движением опускаясь все ниже. Он понял, что допустил страшную ошибку. Ее упругая грудь, скользящая по его мускулистому телу, страсть, с которой она впивалась ногтями в его плечи, жажда, с которой девушка льнула к нему – все лишало его рассудка. Скажи ему сейчас, что он птица, и он с радостью выпорхнет в окно, совершенно не соображая, что делает. Борьба с ее напором было сложнее, чем с разъяренным сангьяком, но Молес, собрав в кулак все мужество и самообладание, отстранил от себя разгоряченную принцессу огненных драконов и уложил обратно на шелковую простыню

и мягкие подушки. Они оба испытали мимолетное разочарование, когда ему пришлось покинуть ее тело. Подняв ее бедра и закинув ее ноги к себе на плечи, он снова вошел, с твердым намерением довести дело до конца. Это удалось ему далеко не сразу. Постель комкалась и шла складками под ними, его лоб покрылся испариной. Капли пота, падающие вниз, искрились, испаряясь от исходящего от ее тела жара, на который были способны только повелевающие пламенем. Ее глаза зажглись ярким светом, когда она достигла вершины удовольствия. Запрокинув голову, Хиастолина протяжно застонала, выгибая спину. От этой картину у него внутри все содрогнулось. Он в последний раз погрузился в нее как можно глубже и, придерживая ее за бедра, испустил в нее свое горячее семя.

Выйдя из нее, Молес попытался сделать то, на что не решился все это время – поцеловать ее. Хиастолина отвесила ему тяжелую пощечину, едва он приблизился к ее лицу.

– Ты что о себе возомнил?! – прошипела она, от нежной девушки, жадно льнувшей к нему, не осталось и следа. – Кажется, ты забыл свое место, человек! Чтобы через мгновение и духу твоего здесь не было! Иначе я велю выпороть тебя! Нет, выпорю сама! Проваливай! Вернешься, когда будет велено, за Грамотой. Получишь свою косточку, псина!

Не говоря ни слова, Молес напялил на себя разбросанные по полу шелковые тряпки обратно и вышел. Не сдерживая злости, Хиастолина запустила ему в спину подушкой.

Наследная принцесса не могла себе позволить подобного поведения, но, откровенно говоря, она сейчас не чувствовала в себе ни капли благородства. Всего ее достоинства и гордости ее лишили здесь – на этой смятой постели. Она сорвала украшенную кровавым пятном простыню, свидетельство ее позора, и мгновенно испепелила прямо в руках. Молес покинул покои, даже не обернувшись. «Ну все, – подумал он. – Дело сделано и не стоит вспоминать об этом. Мне нужно решать реальные проблемы, а не те, от которых страдают королевские особы. Пусть душевными терзаниями благородных девиц занимается кто-нибудь другой». В соседней комнате его ожидала все та же придворная дама. По ее непроницаемому выражению лица было непонятно, что она слышала и что обо всем этом думает. Ни о чем не спрашивая, Ларима сняла с него заклинание, передала ему его одежду и отвернулась. Ему начало надоедать эта игра в переодевание. Он отказывался понимать, почему не мог явиться к Ее драконьему Высочеству в чем обычно ходил, особенно учитывая то, что все равно это нужно было снимать. Но возмущаться было бессмысленно и, откровенно говоря, поздно.

– Что дальше? – спросил Молес, застегивая свою кожаную куртку. – Когда я получу Грамоту?

– После появления наследника, – не выражающим никаких эмоций тоном ответила Ларима. – Я Вас вызову.

– Слишком долго, – он поймал на себе ее пристальный взгляд и осекся: – А сколько носят драконы?

Она ничего не ответила, чем вызвала растущую в нем волну опасений. Решившись на эту авантюру Молес не обдумал многих вещей, во-первых, он даже не подумал о том, что бессмертные устроены совершенно по-другому.

– Сколько? – резко переспросил он.

– Вы хотите знать сколько нужно времени для появления на свет наследника великого королевского драконьего рода? – снисходительно уточнила она, и Молес буквально кожей ощутил, что влез в какую-то очень мутную историю. – Что ж, никто не знает. Существование бессмертных тесно связано с целостностью нашей Вселенной и потоками силы в ней.

– Сколько? – раздраженно уточнил Молес. – Год? Два? Десять? Сто лет? Тысяча?

По ее молчанию, он понял, что любой из этих вариантов может оказаться правдой.

– Может быть и меньше, – неожиданно попыталась подбодрить его Ларима. – Это может произойти в ближайшее время. В любом случае сначала необходимо подтвердить зарождение жизни. Это можно будет сделать спустя пару недель, не раньше. Я сообщу Вам о результатах, возможно это Вас успокоит. Если результат будет отрицательным....

– Как он может быть отрицательным? – вспыхнул Молес.

– Если результат будет отрицательным, – спокойно повторила она, игнорируя его негодование, вызванное задетым мужским эго, – ритуал необходимо будет повторять до тех

пор, пока это будет необходимо. Разорвать Контракт может только смерть обеих сторон, за преждевременную смерть одного из вас будет наказан тот, кто останется в живых. Надеюсь, все понятно. А теперь попрошу Вас удалиться, как можно быстрее. Ваше присутствие здесь нежелательно, а случайная встреча с любым из представителей королевской крови может вызвать конфликт, который никому из нас не нужен. Так что не задерживайтесь и без особого приглашения сюда не приходите.

– Второго раза не потребуется, – продолжал злиться Молес. – Можете не провожать.

Он вышел, не прощаясь, и быстрым шагом направился на выход из замка, по тому пути, по которому его привели сюда. Лучше было отойти подальше от этого гнездовища бессмертных, прежде чем перемещаться, чтобы не привлекать лишнего внимания. Перспективы быстро обрести большую силу казались ему все менее реальными. «В любом случае я не много потерял, – сказал себе Молес. – Неплохо провел время с красивой, пусть и истеричной, девушкой. Но надеяться особо не на что. Нужно искать другие пути, более сложные. Простые, как я и думал, сплошной обман». Несмотря на его благие намеренья покинуть это место как можно скорее, не привлекая к себе лишнего внимания, неожиданно его остановила уткнувшееся ему в грудь острие шпаги. Державший ее юноша наверняка был тоже драконьего племени и на деле годился его прапрадедущке в прапрадедушки или был и то-

го старше. Красивый и тонкий. Глаза Молеса, не привыкшие к виду изнеженных благородных особ, сперва приняли его за высокую девушку. Совсем как та принцесса, которую он только что сжимал в своих объятиях. Такая же белая кожа, гордая осанка и колючий высокомерный взгляд.

– Здравствуй, друг, – беззлобно обратился к нему Молес. – Ты чего-то от меня хотел?

– Смерд, – сквозь зубы плюнул Касситериан, и Молес окончательно убедился в том, что эти двое родственники. – Ты недостойн касаться ее и заслуживаешь смерти.

– Ты что ее брат? – Молес оставался спокойным, жизнь научила отличать реальную угрозу от нелепой бравады. – Вы прям одно лицо и говорите одинаково.

Касситериан растерялся, он не ожидал, что жалкий смертный будет вести себя так дерзко перед ним. Ему страстно хотелось разорвать ничтожное существо на куски, но он не мог себе позволить этого.

– Я убью тебя, – все же предупредил драконий принц. – Можешь не сомневаться.

– Лучше убери игрушку, – Молес аккуратно двумя пальцами отвел острие направленной на него шпаги в сторону. – Если бы ты правда хотел меня убить – от меня бы уже мокрого места не осталась. Учитывая, кто ты такой, угрожать шпагой очень глупо. Запомни на будущее.

– Ты недостойн ее, – словно пьяный, продолжал повторять Касситериан. – Только я достоин быть с ней.

– Ну очень рад за тебя, – не зная, что еще сказать пожал плечами Молес и, осторожно обойдя его, поспешил покинуть это место полное больных душою. – Надеюсь больше не встретимся.

Касситериан проводил его взглядом полным нескрываемой ненависти и поспешил к своей возлюбленной Хиастолине. В приемной комнате, предшествующей ритуальным покоем, он встретил Лариму.

– Думаю Ее Высочество не желает, чтобы Вы видели ее сейчас, – подчеркнуто вежливо, но настойчиво предупредила она.

– Ты смеешь меня останавливать?! – с раздражением отмахнулся от нее Касситериан и не раздумывая ворвался в заполненную разноцветными вуалями комнату.

Укутавшись в исшитое золотыми узорами покрывало, Хиастолина сидела на кровати, погружившись в собственные мысли. Ее тело все еще хранило ощущение присутствия мужчины внутри, а кожа – тепло прикосновений и влажность поцелуев.

– Свет мой, – позвал ее Касситериан.

Она повернула к нему пустой взгляд, но у нее не было слов для него.

– Как мне жаль, что я не могу ничего изменить, – он комкал руками вуали, и они, обращаясь в лед, осыпались на пол разноцветными осколками. – Мне даже страшно представить, как тебе тяжело пришлось. Скажи хоть что-нибудь.

– Я все время думала о тебе, – соврала Хиастолина, на самом деле она даже не вспомнила ни разу о своем возлюбленном. – Не стоит волноваться.

– Я встретил это отродье по пути к тебе, – поведал ей Каситериан. – Как жаль, что я не могу уничтожить его! Позволить касаться твоего божественного тела этому уродливому, как жаба, ничтожеству! Кто я после этого?!

Он не знал, что Хиастолина не видела лица смертного. Она поверила его словам.

– Не имеет никакого значения, как он выглядит, любовь моя, – спокойно ответила ему наследная принцесса огненных драконов. – Это всего лишь ритуал, и человек ничего не значит. Оставь его. Даже сама судьба не сможет разлучить нас, поэтому не стоит омрачать наше счастье мыслями о таких мелочах. Наша любовь вечна. Ничто не сможет разлучить нас.

Сражения

Сощурившись от слепящего белизной снега, Молес осторожно выглядывал из-за широкого лезвия тяжелого двуручного топора. Сбивающая с ног буря не давала ничего увидеть, но она была верным предвестником приближающихся сангьяков. Каждый раз, ожидая их появления, Молес просил лишь об одном – чтобы их было не больше двух. Эти чудовища обычно приходили по одному, и он, пройдя через множество смертельно опасных битв, научился убивать их. Однажды ему повстречались сразу двое. Молес едва выжил в той схватке и теперь с содроганием думал о встрече сразу с тремя.

Как и ожидалось, в скором времени земля начала содрогаться от сильных толчков, причиной которых было ничто иное, как тяжелые шаги исполинского зверя. Шерсть его была так же бела, как и весь окружающий мир, покрытый снегом, но затмевающий солнечный свет силуэт сквозь пелену бури казался почти черным. Словно одна из гор поднялась со своего места и направилась к одиноко стоящему воину. Дрожащими от холода руками Молес достал флакон со сверкающим в нем синим зельем и выпил одним глотком. Это должно было защитить его на несколько часов от ледяной магии сангьяка. Магического таланта в нем было совсем мало, и заклинания, которым его терпеливо обучал старик Драдр ра-

ботали кое-как, и каким бы сильным и опытным воином он ни был, этого было недостаточно, чтобы справиться с нашествием этих страшных монстров, терроризирующих эти края последний десяток лет. Зелья стоили огромных денег, Молес с тяжелым сердцем выкинул опустошённый флакон. И как раз в этот момент огромная, словно башня, лапа ударила рядом с ним, окатив с ног до головы тяжелой волной снега. Привычный к подобному Молес резво выбрался из-под завала и, прыгнув вперед, ухватился за густую шерсть. Повиснув на сангъяковой непомерно большой ноге, ему удалось избежать, как обычно следовавшего за этим, удара мощных закрученных спиралью рогов. Монстр легко стряхнул его с себя. Снова вынырнув из снега, Молес промчался по дуге огибая своего врага, чтобы подобрать затерявшийся после первого удара топор. Спрятав свое оружие за спину, он снова запрыгнул на ногу сангъяка, но в этот раз его хватка была настолько крепкой, что скинуть его было просто невозможно. Цепляясь руками за густую длинную шерсть, впиваясь в толстую кожу зверя специальными шипами на сапогах, Молес начал карабкаться вверх. Сангъяк взревел и попытался стряхнуть с себя надоедливое насекомое. Буря усилилась. Она слепила, забивая снегом глаза. Оглушала своим злобным воем. Но это не могло остановить закаленного боями воина. У него была важная причина, чтобы быть здесь сейчас. Чтобы сражаться. И ничто на свете было не в силах помешать ему. Преодолев этот сложнейший путь наверх, Молес про-

полз по спине сангьяка немалое расстояние, чтобы оказаться на его голове. Он обхватил ногами один из рогов и, свесившись вниз, вонзил свой тяжелый двуручный топор прямо в лоб монстра. Дикий рев потряс долину, вызывая снежные лавины. Сангьяк заметался, забегал, трясся головой и пытаясь избавиться от атаковавшего его человека. Словно тряпичную куклу, Молеса швыряло из стороны в сторону, но это даже не отвлекло его от цели: каждым новым ударом он продолжал метить в одно и то же место, пока из образовавшейся раны не потекла синяя, словно выпитое им недавно зелье, кровь. Но этого было недостаточно. Чтобы убить сангьяка, ему пришлось вбивать свой топор в образовавшуюся в черепе трещину все глубже в течение целого часа. Его ноги сводило судорогой, а руки пытались вырваться из плеч. Волшебный зверь продолжал носиться и жалобно завывать, но это не вызывало жалости у Молеса. Продолжая бить врага, он повторял, пытаясь перекричать снежную бурю: «Или ты, или наши дети!». Когда, наконец, исполин рухнул на землю, Молес скатился с его разбитой головы, долго лежал на спине, лишившись сил даже пошевелиться, и смотрел в прояснившееся небо.

Мясо сангьяка было отравлено ледяным ядом, поэтому тушу пришлось оставить на месте, в конечном итоге она станет снегом, но все равно от мертвых монстров холода меньше, чем от живых. Опираясь на свой топор, Молес к вечеру кое-как доковылял до дома и, привалившись к хлипкой де-

ревянной двери, прежде чем войти, предусмотрительно постучался. Было не заперто, но старый маразматик, страдающий всеми видами паранойи и невроза, мог запросто запустить в него каким-нибудь заклинанием.

– Это я! – крикнул ему Молес.

– Тогда чего не заходишь? – с подозрением спросил старый маг. – Чем докажешь, что это ты?

– Ты деньги кладешь в носок и прячешь под матрас, – сказал Молес.

– Ах ты! Чего кричишь на всю округу?! – возмутился Драдр и впустил его, продолжая бормотать себе под нос. – Надо перепрятать. Вырастил на свою шею. Ладно, иди грейся, замерз поди.

Костлявый старик, одетый в обноски, подметая длинной седой бородой деревянный пол их скромного жилища, усадил парня возле очага и вручил ему миску с непонятной, но приятно пахнущей баландой.

– Это еще что? – поинтересовался Молес.

– Мясо кончилось, – кряхтя Драдр налил еще миску и сел напротив. – Галея принесла какие-то овощи, я их вместе в котел кинул. Вот и ешь теперь.

– Лучше бы детям отнесла, – Молес с удовольствием отхлебнул подозрительное варево, ему страшно хотелось куска мяса, но, честно говоря, сейчас он был рад любой еде, что была теплой и грела изнутри. – Я еду и сам добыть могу.

– Чего ж не добыл, – прочавкал Драдр. – Я тут сию голо-

даю. Совсем обо мне не думаешь. Пока ты добудешь, добытчик дорогой, уж хладный труп только мой останется. Тьфу, тьфу. Убил сангьяка?

– Убил.

– Так дело не пойдет, – покачал головой старый маг. – Тут одной силой не справишься. Ты одного убиваешь, а их десять рождается. Магия нужна. Магия.

– Знаю, – отмахнулся от него Молес.

– Если знаешь – учись, – сел на любимого конька Драдр. – Только так чего-то добьёшься.

– Вот ты много знаешь, – вздохнул Молес. – И что толку? Сил-то у тебя мало. А у меня и того меньше. Одних знаний недостаточно.

– Так, где ж ты их возьмешь эти силы? – покачал головой дед. – Садись и занимайся.

Молес промолчал, ему не хотелось рассказывать про свой поход в драконий замок. Он и сам уже слабо верил в эту авантюру и не хотел обнадеживать старика. Но сила была нужна, и нужно было искать другие варианты.

– Жениться тебе надо, – продолжал поучать его Драдр. – И Галея тебя вечно ждать не будет. Девка-то видная, пока думать будешь, кто-нибудь другой в жены возьмет.

– Некогда мне сейчас этой ерундой заниматься, – Молес тяжело свалился на свою кровать. – Смотри, что происходит, какие свадьбы?

– Оно всегда что-то происходит, – поделился своей муд-

ростью старик. – А жизнь продолжается, тебя не ждет. Оглянешься, а все прошло и не было в ней ничего. Ни семьи, ни любимой. Для любви нет неподходящего времени, она всегда приходит, когда ей вздумается.

Это был не просто мрачный подвал замка. Расположенные у сырых стен древние статуи отражали историю драконьего мира. Влиятельные семьи сменяли друг друга. Их правление возвышало одну из стихий над всеми остальными, создавая и меняя порядок всего сущего. Нынешний правитель Глава огненных драконов Его Величество король Динабон долго молчал, Хиастолина не смела нарушить тишину и продолжала рассматривать вместе с ним скульптуру великой Шунгиат, место которой он занял, и чье перерождение произошло совсем недавно. Если не будет очередного переворота и их род продолжит править, власть должна будет перейти к ней.

– Нас становится все меньше, – неожиданно сказал Динабон, и Хиастолина ощутила его тоску в собственном сердце. – Преемственность важна. Наша священная обязанность не дать драконам исчезнуть окончательно. Держи это всегда в уме.

– Да, отец, – Хиастолина чувствовала исходящее от него давление. Динабон был слишком стар и с трудом сохранял человеческую форму, так велика была его сила.

– Ты сделала, что следовало? – прямо спросил он. – Исполнила свой долг?

– Да, отец, – снова эхом повторила собственные слова.

Динабон посмотрел на нее колючим пронизывающим насквозь взглядом своих темных, как бездна, глаз, и у нее внутри все сжалось от страха.

– Я слышала, ты навещала отца, – Аксинита натянула тетиву и прицелилась.

Хиастолина последовала ее примеру. Их стрелы сорвались с места одновременно и одновременно вонзились прямо в центр предназначенной для каждой из них мишени. Иначе и быть не могло, если стреляли бессмертные.

– Он сам меня позвал, – безразличным тоном ответила наследная принцесса. – А тебя разве нет? Ну ничего, отец обязательно позовет тебя, если захочет видеть.

– Невероятно, – криво улыбнулась Аксинита. – Ты еще не взошла на престол, а уже так мудра.

– Это великое благословение, – Хиастолина старалась не повышать голос, чтобы остальные не заметили их словесной перепалки, – что из нас троих мудрость досталась именно наследнице.

– Смотри не потеряй свой статус, – продолжала язвить ей сестра, – иначе он достанется кому-нибудь не настолько мудрому.

– Полно вам, – нахмурилась Гиперса, – мы ведь семья и должны поддерживать друг друга. Кто-нибудь может воспользоваться раздором между вами и навредить нам.

Хиастолина невольно окинула взглядом всех присутствующих. Это было очередное светское мероприятие, которое проводят специально, чтобы члены королевских семей делились сплетнями, пытались друг друга укусить и плели интриги. Стрельба сама по себе была всего лишь формальностью – ни один бессмертный никогда не промахнулся бы. Она и две ее сестры были рождены по Контракту от смертных матерей, которых они никогда не видели. Очень разные. Пепельноволосая Хиастолина, маленькая и стройная, владела великой силой, равных ей не было. Средняя сестра Аксинита обладала ярко-красными волосами и таким же вспыльчивым характером. Самая младшая Гиперса, худая и высокая, свои каштановые волосы она собирала в скромные, как ее кроткий нрав, прически. Тихая и рассудительная Гиперса все время пыталась примирить старших сестер. Стоя втроем на этом стрельбище, они непременно были в центре всеобщего внимания, как члены правящей семьи.

– Речные драконы захватили один из ближайших миров и устроили там кровавую бойню, – как бы между прочим сообщила Аксинита. – Они сейчас плодятся как кролики. Опасайся их, сестра.

– Это очень важно, – поддержала ее Гиперса. – В Темную или Светлую сторону будет двигаться наш мир зависит от того, кто им будет править. Не забывай, что не все семьи придерживаются таких же высоких идеалов, как другие. Ледяные драконы, например...

– А что ледяные драконы? – не удержала свой взрывной характер и вспыхнула Хиастолина.

Сдержанной и скромной Гиперсе был не по нраву такой тон и она, поджав тонкие губы, отказалась продолжать разговор. За нее закончила Аксинита:

– Ходят слухи, что они насылают ледяных монстров на Средние миры, чтобы усилить влияние своей стихии.

– Что за вздор?! – Хиастолина положила лук, настроение было окончательно испорчено. – Может хватит собирать сплетни?!

– Погоди, – Гиперса взяла ее за руку и тихо сказала. – Видишь, как Улексий смотрит сюда. Говорят, он влюблен в Аксиниту.

Хиастолину мало волновал принц каменных драконов. Она поискала глазами Касситериана, но не нашла и просто молча удалилась, оставив своих сестер перешептываться за своей спиной. Ей нужно было много кому уделить внимание и многих поприветствовать для того, чтобы найти союзников и разоблачить врагов. Ведь именно за этим она сюда и явилась. Чтобы сражаться за свою власть.

Хиастолина не особо обращала внимания на украшения. Драгоценные камни мало привлекали ее. Ей казалось, что блестящие побрякушки существуют для ничтожных созданий, чтобы преувеличить собственную значимость. Тем, кто стоял на вершине этого мира, эта мишура была ни к чему.

Изящество, в ее понимании, заключалась в простоте. И тем не менее, как королевскую особу ее окружали все возможные украшения. Даже посуда, на которой ей подавали еду, сверкала великолепием. Конечно же, наследная принцесса не обращала внимание, каким гребнем служанки расчесывают ее шелковые волосы, но в тот день это все-таки привлекло ее внимание. Хиастолина перехватила руку девушку, как только она его взяла.

– Что это? – холодно спросила Хиастолина.

– Ваш гребень, миледи, – бледнее от страха прошептала служанка. – Я каждый день расчесываю Вас им.

– Возьми другой, – приказала Хиастолина и отпустила ее руку. – Кто-нибудь входил в мои покои?

– Только я и другие служанки, – девушка взяла другой гребень, но, не понимая, что происходит, немного замешкалась, прежде чем начать расчесывать волосы своей госпожи. – Вас спрашивала Ваша сестра Аксинита, но Вас не было, и она ушла.

– Ну конечно же, – вздохнула Хиастолина. – Забудь, это неважно.

Само собой несчастная служанка понятия не имела, что на гребень было наложено проклятие. И для тех, кто обладал великой силой, то есть для любого бессмертного, не было никакой необходимости входить для этого в комнату. Такая атака была слишком слабой. Скорее предупреждение. Динабон правил уже многие тысячелетия, но его власть была не

абсолютной. Над ним все время довлел авторитет передавшей ему трон Шунгиаты. Теперь же, когда она почила, ход времени ускорился и недолго час, когда правление драконьим миром перейдет к его прямой наследнице. Хиастолина была кому-то негодна. Она давно знала, что стоит поднять голову и вокруг тебя начнут, словно дикая трава, вырастать враги и интриги. Никакие покушения не страшны, когда их еще нет. Когда они только в твоём воображении. Теперь же этот случай вызвал внутри нее неприятную дрожь. Пусть это всего лишь детские игры. Пусть подобное не могло причинить ей никакого вреда. И все же. Кто-то желал ее смерти.

Молес вошел в священную курильню и вместе с собой привел во внутрь облако снега. Белые мухи взметнулись вверх над горящим в центре огнем и одна за другой растаяли. Слепые пифии повернули в его сторону головы. Через пламя они глядели в будущее и от того теряли зрение одна за другой.

– Пришел, – проскрипела Алата, Верховная жрица. – Я видела твою судьбу.

– И что же меня ожидает? – прямо спросил Молес.

– Ты окажешься между льдом и пламенем, – каркающим смехом отозвалась слепая старуха. – Кто-то умрет, но будешь это ты или кто другой – от тебя только зависит, – она снова засмеялась, остальные поддержали ее в этом.

– А я видела, – прошептала другая пифия, – в пламени

родится ребенок. Многие будут желать его смерти, но он победит саму смерть.

– Что ты несешь, старая?! – шикнула на нее соседка. – Как можно победить смерть?!

И они снова засмеялись своим птичьим гоготом.

– Вы все не о том говорите, – перебила их та, что была помоложе и еще могла видеть. – Лучше скажите, зачем он пришел. Не знаете? Совсем заблудились в своем будущем.

– Умная сильно! – возмутились сморщенные пифии. – Расскажи тогда зачем! Мы слушаем. Если знаешь.

Она расплылась в улыбке, обнажая беззубый рот, и сказала:

– Он принес мясо.

Лежа обнаженной на столе, Хиастолина думала лишь о том, что ее унижениям нет конца, и, возможно, теперь так будет всегда. Королевские лекари раскладывали на ее теле магические камни. Потом глубокомысленно рассматривали их и шептались. Хиастолина пыталась не думать ни о них, ни о покушении, ни о проклятом Контракте. Наконец, процедура окончилась, и лекари, сказав что-то Лариме, удалились. Придворная дама сняла с нее камни и помогла одеться.

– Вам не удалось зачать жизнь, – сказала она.

Вторая попытка

Из всех комнат замка эта была ей противна больше всего. И тем не менее Хиастолина снова была здесь. Сидела на этой кровати и помимо воли вспоминала то, что происходило на ней: прикосновения и поцелуи, тяжелое дыхание, ее собственные стоны. Все это проникало в ее тело вполне реальными ощущениями и умоляло повторить. Гордый разум наследной принцессы бунтовал против происходящего, но тело, не знавшее ранее любви, ликовало. Как и в прошлый раз лицо человека было скрыто заклинанием. Он снова стоял перед ней.

Молес был уставшим и крайне раздраженным. Этим утром он едва вернулся из соседних миров и только закончил раздавать с трудом добытую еду, когда явилась эта высокомерная дама. На фоне его нищей полуразваленной деревушки, одетая в шикарное платье и меха, холенная и ухоженная, сверкающая драгоценностями гостья выглядела словно цветок поверх навозной кучи. Натаскавшись тяжелых мешков с зерном, Молес чувствовал себя замученным выючным животным, но ее появление резко взбодрило его. «Получилось!» – зря обнадежил он себя. Больше всего на свете ему хотелось обрести силу, чтобы справиться с этой напастью и больше не видеть мертвые тела погибших от голода детей.

Но нет. Конечно нет. Не может быть так просто! Теперь вместо того, чтобы отправиться в путь, на который его направили мудрые пифии, ему нужно снова перетечь в драконье кубло, ублажать истеричное «Ее Высочество». И все из-за чего? Потому что, как лопух, решил, что можно всего достичь совершенно не напрягаясь. Да если бы чтобы получить силу, было достаточно просто трахнуть кого-то – это уже давно бы все сделали и были б кругом все такие могущественные. Теперь он повязан Контрактом и обязан бежать к ним, виляя хвостом, как только позовут. «А если вообще не получится, – возникла в нем новая пугающая мысль, – они меня сожрут эти драконы? Нет-нет, они не могут мне навредить. Успокойся».

– А если она больная эта ваша принцесса? – не скрывая злости спросил Молес. – Может она вообще не может забеременеть? Что тогда?

– Ее Высочество полностью здорова, – с выводящим его из себя спокойствием сообщила Ларима.

– Хочешь сказать, дело во мне?!

– Нет, Вас мы тоже проверили, – она привыкла, что все вокруг говорят много лишних слов, прежде чем сделать то, что полагается, и обладала завидным терпением. – С Вами тоже все в порядке, иначе Контракт с Вами никто бы заключать не стал. Это обычная процедура, необходимо совершить несколько попыток, чтобы добиться результата.

Теперь он рассматривал сидящую на кровати девушку и

думал: «Не так уж все и плохо. Я ничего не теряю. Мне нужно просто заняться любовью с красивой девушкой. Воспринимай это, как подарок судьбы». Хиастолина одарила его уничижительным взглядом, и все его позитивные мысли рассыпались в прах.

– Чего стоишь, смертный? – холодно сказала она. – Пошевеливайся, я хочу побыстрее покончить с этим.

– А тебе прям не терпится, правда? – ответил ей Молес, и ее щеки покраснели, а глаза засверкали от возмущения.

– Как ты смеешь?! – вспыхнула Хиастолина. – Я! Да я тебя!.. Знаешь, что с тобой сделаю?!

Молес немного подождал, чтобы узнать, что же она с ним такого сделает, но Хиастолина так и не нашлась, что сказать. Тогда он обогнул кровать и улегся с другой стороны, позади нее. Она сидела растерянная, со злостью комкая шелковую ткань платья, пока не услышала оглушительный храп. Это стало последней каплей. Хиастолина вскочила на ноги и хотела испепелить мерзкое создание, позволяющее так себя вести по отношению к ней. С ее пальцев уже начало срываться пламя, но усилием воли она сдержалась. Наследная принцесса в какой ситуации бы ни находилась не имела права вести себя, как дворовая девка, ей нужно было сохранять достоинство и самообладание. Воспитание. Благородство. Хладнокровие. Нельзя нарушать Контракт, сейчас это риск, который она не могла себе позволить. Но как ей вести себя с существом не столь разумным? Как подчинить его себе?

«Необходимо быть более снисходительной, – уговаривала себя Хиастолина. – Это жалкое создание, которое должно быть никто не воспитывал. Что же ожидать от него? Как представительница тех, кто стоит неизмеримо выше, мне нужно проявить свою милость и терпение. Возможно я должна объяснить ему как стоит себя вести».

– Человек, – громко, чтобы перекрыть храп, но как можно спокойнее сказала Хиастолина, – ты знаешь, что нельзя спать в присутствии королевской особы?

Неотесанный смертный не только не ответил ей, но даже не соизволил проснуться. Она стояла растерянная и никакие ее слова не производили на хама абсолютно никакого впечатления. Тогда Хиастолина взобралась на кровать и осторожно, перебарывая отвращение, пальцем потыкала его в плечо.

– Эй, – обиженно позвала его принцесса, – ты слышишь, что тебе говорят? Просыпайся.

Неожиданно Молес схватил ее в охапку и притянул к себе.

– Нашего ребенка ты тоже так будить будешь? – насмешливо поинтересовался он.

– Какого еще «нашего»? – Хиастолина возмущенно отбивалась от него, пытаясь высвободиться. – Ты не имеешь к будущему наследнику никакого отношения.

Молес неопределенно крякнул и отпустил ее. Он знал условия Контракта.

– Делай, что должно, – как можно терпеливее приказала принцесса.

– Не хочу, – ответил воин и снова закрыл глаза.

– Что? – нахмурилась Хиастолина. – Что это еще значит?

– Настроения нет, – пожал плечами Молес.

– Кому какое дело до твоего настроения?! – она все еще была на грани того, чтобы взять плетку и научить его себя вести. – Смертный. Даже если ты не знаешь своего места, ты подписал Контракт и обязан слушаться.

Ее слова позабавили его. Он приподнялся на локтях и насмешливо переспросил:

– Слушаться? – она не ответила, потому что ей было непонятно, что тут смешного, Молес понял, что с непробиваемым драконьим высокомерием ничего не поделать. – Я же не машина, понимаешь? Я человек. Я устал, в конце концов. Да и ты могла бы быть поласковой. Ваше Высочество. Ты тоже подписала Контракт. Это что мне одному нужно? Тоже поучаствуй.

– Что ты мелешь? – снова вышла из себя Хиастолина. – Просто вставь его как в пошлый раз и все.

– Даже так? Просто вставить? Какая развратная принцесса? – Молес снова рассмеялся.

Она схватила подушку и отлупила его ей.

– И почему мне достался такой бесполезный смертный? – сокрушалась Хиастолина.

– Если я тебя не устраиваю – найди другого, – беззаботно предложил он.

– Ты что?! – захлебнулась от негодования наследная прин-

цесса. – Хочешь, чтобы я по рукам пошла, как развратная девка из борделя?! Хватит и того, что я тебе позволила себя касаться! Живо за дело! Чего ты смеешься?

– Не стоит, Ваше Высочество, – развел руками Молес, пользуясь ее неопытностью и наивностью в этом вопросе.

– Как такое может быть? – уверенная в собственной неотразимости не поверила ему Хиастолина и чтобы убедиться по-хозяйски схватила его за пах.

Молес аж сел от неожиданности и пораженно уставился на нее круглыми глазами:

– Ничего себе принцесса! – сказал он. – Это у вас как? По этикету?

– И правда мягкий, – не обращая на его возгласы внимания, сделала вывод Хиастолина и убрала руку. – Сделай что-нибудь и поживее. Не желаю целый день тут с тобой торчать.

– И что же я должен сделать? – поинтересовался Молес.

– Ну не знаю, – пожалала плечами Хиастолина. – Что вы там мужчины делаете. Потрогай его.

– А может ты потрогаешь? – он продолжал издеваться над ней, твердо решив, что даже если оказался во власти Контракта, это вовсе не значит, что он должен позволять себя унижать. – Я вижу, тебе очень хочется.

Она отвесила ему еще один подзатыльник. Молес заметил, что у нее начало входить это в привычку, и решил зарубить это на корню.

– Если будешь так себя вести – он точно не встанет, – со-

общил ей Молес. – Когда так делаешь, все возбуждение пропадает.

– А что нужно делать? – неожиданно покладисто спросила Хиастолина.

– Не знаю, – Молес окинул ее оценивающим взглядом. – Будь со мной ласковой. Разденься, дай на себя посмотреть.

Она сняла с себя платье, обнажая прекрасное тело. Он положил свою широкую ладонь на ее хрупкое плечо, соскользнул с него вниз на упругую грудь. Его правая рука была теплой и ласкала нежно, аккуратно задевая возбужденный сосок. Левая тем временем гладила ее бедра. Хиастолина прикусила нижнюю губу, чтобы не застонать. Молес снял рубашку и сказал:

– Теперь ты.

Она придвинулась поближе и оседлала его ногу. Его мускулистое мужественное тело притягивало к себе ее внимание. Рельефный торс возбуждал в ней желание касаться его. Хиастолина не стала сопротивляться этому желанию. Ее пальцы принялись очерчивать мышцы, изучая их на ощупь. Молес внимательно наблюдал за ней, убирая падающие пряди ей за ухо, чтобы лучше видеть выражение ее лица. Он как в прошлый раз попытался поцеловать ее, но она тут же отпрянула от него. Молес решил не настаивать. Он и так был удивлен, что гордая драконья принцесса так легко пошла ему навстречу, и не хотел перегибать палку. Не потому, что боялся чего-то. Просто не хотел потом чувствовать себя послед-

ним мерзавцем. Он полностью разделся и позвал ее:

– Иди сюда. Потрогай его.

Стараясь не смотреть вниз, Хиастолина снова придвинулась к нему и положила руку на полувозбужденный член. Медленно провела пальцами по всей длине. Продолжая гладить его мужское достоинство, она ощущало как с каждым новым движением в ее руках оно становится немного тверже и больше, пока не стало совсем каменным.

– Похоже у тебя с этим все нормально, – подозревая, что ее просто обвели вокруг пальца, с упреком сказала Хиастолина.

Молес ничего не ответил. Он уложил ее на кровать и как в прошлый раз принялся усыпать ее обнаженное тело жаркими поцелуями, до тех пор, пока выражение ее лица не сказало ему, что она его хочет. Хиастолина обхватила его ногами, когда он проник в нее, и подавалась на встречу его движениям. Потерявшись в ощущениях, Молес наслаждался каждой секундой проведенной в ее объятиях до тех самых пор, пока они не достигли пика, превратившись в единое пьяное от удовольствия существо. Когда их стоны слились в один. Когда ее томный взгляд затянул его в бездну зеленых глаз. Когда он неожиданно ощутил себя счастливым. До того самого момента, как все закончилось и она как и в прошлый раз резко преобразилась. Из нежной ласковой женщины в холодную, как лед, принцессу. Хиастолина спихнула его с себя с такой силой, что он едва не свалился на пол, и велела

ему убираться:

– Надеюсь, в этот раз ты сделал все как следует, – сказала она. – И мы больше не увидимся.

Ему хотелось ответить ей какой-нибудь колкостью, но он не смог. Перед его глазами до сих пор стояло ее разнеженное лицо, эта мягкая улыбка и полные любви глаза. На него никто никогда так не смотрел. Это странно, но ему подумалось, что такой человек должен быть очень добрым, самым добрым в мире. Молес понял, что пропал. Было ли это просто наваждением, или она носила маску сейчас. Он запутался. Хиастолина не видела его лица, поэтому не знала, что на самом деле Молес был очень молод. Он никогда не влюблялся, его сердце еще не зачерствело. И она, сама того не ведая, проникла в него, как голодная змея, впилась зубами. Стрелой пронзила насквозь. Он попытался унять режущую боль в груди, но получалось плохо. Эта была злая и безнадежная любовь, но Молес уже тогда знал, что так просто она не пройдет. Он быстро оделся и обернулся, чтобы посмотреть на нее. Драконья принцесса сидела, завернувшись в покрывала, и брезгливо косилась на него. «Такая красивая и такая злая», – подумал Молес и засмеялся, как смеялись безумные пифии.

– Пусть все будет так, как суждено, – с теплой улыбкой сказал он и удалился, оставив драконью принцессу наедине с ее королевским негодованием.

Игры

Хиастолина долго всматривалась вдаль. Где-то там в окутанных голубым туманом горах был спрятан Алистар, меч первого короля драконов, главный приз сегодняшней гонки. Он достанется тому, кто найдет его первым. Соревновавшиеся команды состояли из представителей одной семьи. По пятеро. Огненные драконы хотя и находились у власти, но их было меньше всего. Только три сестры. Старший из десяти сыновей основной ветви воздушных драконов – заносчивый рыжий парень под два метра ростом по имени Морион – подошел к Хиастолине.

– Вас слишком мало, – сказал он. – Никаких шансов. Только опозориться. Никто не осудит, если вы откажитесь от участия.

Она не успела ничего ответить, как рядом появился Касситериан.

– Боишься, что они втроем вас одолеют? – язвительно поинтересовался принц ледяных драконов. – Или это открытая угроза? Попахивает заговором.

Морион возмущенно фыркнул и, гордо задрав голову, удалился к своим.

– Не стоило, – сказала Хиастолина, но при этом с ее лица не сходила счастливая улыбка, она была рада наконец уви-

деть его. – Я и сама могу ответить на любое едкое замечание. Веришь мне?

– Верю, – Касситериан тоже улыбался, – мне просто хочется, чтобы ты помнила, что я всегда на твоей стороне.

– Но только не в игре, – она помахала стоящим невдалеке сестрам, скоро должен был прозвучать сигнал к началу. – Здесь каждый сам за себя. Если будешь помогать, я тебя не прощу.

Незаметно, на одно лишь мгновение Хиастолина коснулась его руки, вызвав раскаты грома в чистом небе, и ушла. Касситериан провел ее влюбленным взглядом.

Раздался сигнал, и сотня драконов взлетели с холма, на котором они собрались, чтобы поучаствовать в королевской забаве. Сотня извивающихся в небе разноцветных ленточек, каждая из которых была могущественным созданием, повелевающим своей стихией. Земляные драконы подняли вверх стену. Она преградила путь всем остальным, разрешила облака, затмевая солнце. Как самая сильная из сестер Хиастолина летела впереди, чтобы прокладывать путь. Она разбила стену с их стороны. Расплавила мощным потоком пламени, и они преодолели ее, пролетев через образовавшийся разлом. Слева и справа разноцветные вспышки разрушали преграду, вскоре не оставив от нее и следа. Следующий ход был за воздушными драконами. Шквальный ветер невероятной силы отбрасывал их противников назад. Пока Хиастолина судорожно соображала, что с этим делать, кто-то из громобой-

ных драконов ударил одного из воздушных мощным разрядом молнии. Ветер тут же прекратился, пораженный дракон камнем падал вниз. Все окружающие замерли. Повисла тишина. Хиастолину охватил ужас от увиденной картины. Величайшие бессмертные создания, непобедимые, вдруг предстали перед ней такими же хрупкими и уязвимыми, как люди. «И меня могут убить, – подумала она. – Нужно помнить об этом».

– Нарушение правил, – оглушительным рокотом прокатился голос Динабона.

Король драконов был арбитром в этой игре. Никто не знал, откуда он наблюдал за ними все это время. Он видел все издалека и мог преодолеть расстояние, которое они должны были пересечь, от холма до гор, двумя взмахами своих крыльев. Никакие заклинания не могли ему навредить. Динабон был так огромен, что остальные драконы на его фоне казались мошками, кружащими вокруг собаки. Он был последним чистокровным драконом.

– Громобойные драконы выбывают из гонки, – велел он. – И будут наказаны по закону. Гонка продолжается.

Динабон исчез так же неожиданно, как и появился. Хиастолина замерла на месте, все еще переваривая увиденное.

– Он жив, – сказала ей Аксинита, выводя ее из оцепенения. – Шевелись, а то проиграем.

Хиастолина снова ринулась вперед. Она не спрашивала, где Гиперса. Как и договаривались, при удобной возможно-

сти Гиперса ускользнула и отправилась вперед на разведку. Аксинита снова появилась в поле зрения Хиастолины и шепнула:

– Слева за насыпью есть небольшой каньон, – заговорщицким тоном поведала она. – Если нырнешь туда – пролетишь незаметно от всех.

– Низкая уловка, – засомневалась Хиастолина.

– Давай, мы должны победить! – надавила на нее Аксинита. – Видела, что устроили громобойные? Вся эта игра – демонстрация силы. Но больше всех силу покажет тот, кто победит.

В этот момент речные драконы напустили густой туман, сбивая противников с толку.

– Давай! Сейчас! – прошипела ей в ухо Аксинита. – Я создам видимость нашего присутствия. А ты добудь Алистар или ты мне больше не сестра.

Хиастолина заколебалась, но скрепя сердце решила последовать этому сомнительному плану. Она резко спикировала вниз. Там действительно была небольшая расщелина в земле, достаточно большая чтобы пролетел один дракон. Насыпь наверху, очевидно вызванная оползнем, надежно скрывала это место от посторонних глаз. Не желая более мешкать, Хиастолина устремилась вперед по каньону. Она была прочно настроена на победу, когда ей в спину ударило сильное заклинание. Она рухнула вниз так же, как до этого на ее глазах упал один из воздушных драконов, и, опускаясь на дно,

потеряла сознание.

Когда Хиастолина очнулась, за окном стояла глубокая ночь. Она лежала на кушетке в одной из приемных комнат, суетливые лекари творили над ней все заклинания, которые только могли вспомнить. Аксинита выдворила их тут же, как увидела, что сестра наконец очнулась. Возле постели стоял бледный, как смерть Касситериан, измученный беспокойством он выглядел даже хуже, чем его раненая возлюбленная. Хиастолина отвернулась. Меньше всего ей хотелось давать ему повод для беспокойства. Примерять на себя роль жертвы ей не позволяла гордость. «Надо же, – тоскливо подумала она, – так нелепо подставиться под удар». Касситериан щебетал какие-то слова утешения, но они сейчас только раздражали ее. Гиперса молча стояла у окна и задумчиво смотрела вдаль. А вот Аксинита не затыкалась ни на секунду.

– Ты видела, кто это сделал? – накинулась на Хиастолину ее темпераментная сестра. – Думаешь это было покушение? Запланированное? Или кто-то вышел за рамки?

– Я ничего не знаю, – слабо отмахнулась от нее Хиастолина. – Расследование ведется?

– Конечно, – ответила Аксинита. – Но свидетелей нет. Заклинание не стихийное, определить вид атаковавшего тебя дракона невозможно.

– Кто победил? – спросила Хиастолина.

– Мы победили, – Аксинита, покосилась на стоящую у окна младшую сестру. – Гиперса обогнала всех и первой достала из скалы Алистар.

– Хорошо, – Хиастолина села и сложила руки на коленях. – Выйдите все, мне нужно поговорить с Аксинитой.

Гиперса покинула комнату без лишних вопросов, не оборачиваясь. Касситериан вышел, поджав губы. Ему было неприятно и непонятно, почему Хиастолина не захотела, чтобы он остался и была так холодна к нему, когда он так сильно за нее переживал.

– Что такое? – прямо спросила Аксинита и села рядом на кушетку.

– Ты знаешь, что покушение на наследницу престола страшное преступление, карающееся смертью? – тоже не стала ходить вокруг да около Хиастолина.

– К чему ты клонишь? – с лица Аксиниты сошла вся краска и теперь они с Касситерианом могли соревноваться в бледности.

– Откуда ты узнала про каньон? – Хиастолине надоели эти игры.

– Птичка напела, – с вызовом ответила Аксинита, она не могла поверить, что сестра ее в чем-то подозревает.

– Что за птичка? – голос Хиастолины был холоден, как лед.

– А ты как думаешь?

– Это не шутки, – принцесса огненных драконов, еще не

взойдя на престол уже чувствовала груз и опасность власти. – Кроме тебя никто не знал, что я направилась туда.

– Кто-то заметил и последовал за тобой, – лицо Аксиниты продолжало менять цвет и теперь пошло красными пятнами. – Да, это может быть кто угодно! Почему сразу я?

– Значит найди этого «кого угодно»! – резко приказала Хиастолина. – Или потребуй ответа со своей «птички»! Сделай все! Ты понимаешь, что накликала беду на нашу семью?! Нас и так мало. Если мы лишимся взрослой сильной особи, не только наша власть, наше существование, окажется под угрозой. Это понятно?!

Словно от хлесткой пощечины Аксинита подскочила на ноги и под громогласные заявления о собственной невинности выскочила за дверь. Хиастолина сомневалась, что это и правда была она. Все-таки Аксинита была довольно прямолинейна, и такая атака исподтишка была не в ее стиле. И все же все указывало на нее. У нее был мотив и возможность. В душе Хиастолины зародилось неприятное давящее сомнение, но она не хотела думать, что родная сестра пытается ее убить.

После того, как его отвлекли очередные драконьи дела, Молес, вернувшись в родную деревню, снова стал собираться в дорогу. Вообще-то ему давно стоило отправиться, но он боялся оставлять это место надолго без присмотра. Поэтому последние несколько дней был занят тем, что обходил тер-

риторию заходя все дальше в горы, чтобы убить побольше сангъяков. Расправившись со всеми монстрами, каких ему удалось повстречать, Молесу пришлось признать, что тянуть дальше не было никакого смысла. Он вышел на улицу, заправляя свой топор за спину, когда к нему подошла Галея. В руках у нее была небольшая плетенная корзинка, из которой доносился манящий аромат свежей выпечки.

– Куда ты собираешься? – спросила девушка.

Молес посмотрел на нее и подумал: насколько же они разные. Не смотря на тяжелые времена, на бесконечную зиму и голод, волнами накатывающий на деревню из-за нехватки продуктов, из-за того, что последние три года лета не было вовсе и их обледенелая земля не могла им ничего дать, из-за того, что как он ни старался у него не хватало сил чтобы позаботиться о всех. Даже не о всех. Не о целом мире, а об одном скромном поселении на сто человек. Но так или иначе, переживая все эти трудности, глаза Галеи радостно сверкали, когда она встречала его, щеки румянились. Весь ее вид излучал здоровье. И жизнь. Молес всегда поражался, сколько в ней жизни. Казалось, ей все нипочем. На перевес деревенской девушке холенная королевская особа, всю жизнь купающаяся в роскоши, не знавшая ни бед, ни лишений, была такой мертвецки бледной и тощей, что, казалось, в любой момент готова упасть в обморок. Он ухмыльнулся своим мыслям.

– Пифии указали мне путь, – честно признался ей Мо-

лес. – Если я добуду то, о чем они говорят – все наши беды закончатся.

– Верю, что так оно и будет, – улыбнулась ему Галея, и улыбка ее была ярче солнца. Ему стало неловко перед ней, что он так бездарно променял свое сердце, но поделаться с этим уже ничего не мог. – Вот, возьми в дорогу.

Она протянула ему корзину, но Молес не стал брать ее всю. Только засунул руку под расшитую умелой рукой салфетку, достал пару румяных, как молодая мастерица, что их готовила, пирожков и сунул в свою дорожную сумку. Этого ему было достаточно.

Королевская купальня была просто огромной. Здесь бы без труда разместилась сотня человек, но входить сюда было позволено лишь единицам. Хиастолина пришла сюда тайно. У нее не было никакого желания находиться в окружении суетливых служанок, да и вообще видеть кого-то. Ей не нужно было чтобы под дверью дежурили верные стражники. Даже после покушения. Единственной кто мог защитить ее была она сама, потому что была для этого достаточно сильна. И тем не менее Хиастолина вздрогнула, когда услышала шаги. Она обернулась и увидела Касситериана. Он стоял в дверях и смотрел на нее. В его глазах была боль разлуки, только безнадежно влюбленные могли так смотреть.

Благодаря умелым лекарям и непомерной силе, скрытой в хрупком теле, ее раны уже совсем зажили. Чтобы показать

ему это Хиастолина скинула с себя одежду. Солнечные лучи проникали сюда через узкие проемы в потолке. Она стояла у самой кромки воды, и блики отраженного света блуждали по ее лицу. В голове Хиастолины было множество мыслей, но одна из них всегда оставалась особенной и самой важной. чтобы ни случилось, и как бы ни было тяжело, даже если сама судьба и сама суть их существа против того, чтобы они были вместе, это не важно. Ничто и никогда не сможет их разлучить.

Полностью обнаженная Хиастолина села на одежду, лежащую на инкрустированном камнями полу. Глаза Касситериана горели, и он спрятался в тень, чтобы она не видела отразившихся на его лице похотливых мыслей. Но даже так, ее драконьи глаза продолжали видеть его. Хиастолина любовалась своим возлюбленным и представляла их вместе в постели, как сплетаются их обнаженные тела. Ее рука опустилась вниз. Окутанная паутиной сплетавшихся бликов и лучей она ласкала себя, мечтая о его прикосновениях. Касситериан смотрел на нее словно пьяный. Он всегда знал, что им не суждено возлежать вместе, и изо всех сил гнал от себя постыдные фантазии. В тот момент, она дарила ему то, о чем он не смел и помыслить. Это представление было для него одного.

СНЫ

Хиастолина все время думала только о своем возлюбленном. Ведь только благородный принц ледяных драконов был достоин ее, только он был достаточно хорош чтобы быть с ней на равных. Но ночью снился ей не он. Последние несколько ночей, закрывая глаза она видела мужественную фигуру, лишенную лица. В сонном мареве он касался ее. Их тела сплетались. Все казалось таким реальным, что Хиастолина готова была поспорить, что чувствует его поцелуи. Утром, проснувшись она ненавидела себя.

Молес пробирался через густые заросли. Он уже давно не видел столько зелени. Даже в мирах, в которых ему приходилось бывать, чтобы добыть немного еды для своих сородичей, Молес не встречал таких густых джунглей. Он отчаянно размахивал своим топором, чтобы пробить себе дорогу до тех пор, пока деревья неожиданно ни кончились. Словно кто-то откусил кусок от этого леса. Яркий свет ударил ему в глаза, и, сделав шаг, Молес едва не улетел в пропасть, на краю которой оказался. Он достал из кармана волшебную нить, которую ему дали пифии, чтобы она вела его к цели, и с сожалением убедился, что теперь ему предстоит опасный и утомительный спуск в ущелье. Молес достал длинную ве-

ревку, закрепил ее конец на стволе одного из стоящих рядом деревьев и стал осторожно спускаться вниз, старательно игнорируя неприятное ощущение выскальзывающихся испод подошв маленьких камешков. Он не успел преодолеть и метра, когда над его головой, на самом краю обрыва возникла до боли знакомая фигура.

– Мне некогда! – крикнул ей Молес, ужасно жалея, что не может подняться и придушить ее, ведь даже если бы он решился на это, его сил не хватило бы даже чтобы просто коснуться ее. – Я занят!

– Я сожалею, – ответила Ларима, и по ее тону, лишенному каких-либо эмоций, Молес понял, что ни черта ей не жаль, ей вообще глубоко наплевать на его дела и проблемы, да хоть бы на то, что он может в любой момент сорваться вниз и разбиться в лепешку. – Вам необходимо явиться во дворец.

– Чтобы получить Грамоту? – саркастично поинтересовался Молес.

– Нет, – так же холодно ответила Ларима.

– Тогда отправляйся в пекло! – посоветовал ей Молес и продолжил свой спуск.

– Контракт требует...

– Да-да, Контракт, – перебил он ее нравоучения, – я все помню. Но может потом как-нибудь? Это не может подождать денек другой?

– Ваше дело, – неожиданно согласилась она. – Если Вы не исполняете условия Контракта, то только Вам отвечать.

– Ладно-ладно, – сдался Молес и начал подниматься вверх; заключение Контракта с бессмертными было невероятно мощной и опасной магией, которой боялись люди и посмелее его, это было одной из причин, по которой желающих использовать ее было не так много. – Уже иду! Ублажать вашу бесплодную принцессу. Чтоб вас всех сангъяк сожрал!

Во второй раз Хиастолина уже сама знала ответ. Еще до того, как лекари открыли свои болтливые рты, ей уже было известно, что новой жизни в ней не зародилось. Какая-то часть ее души даже испытывала облегчение по этому поводу. Не смотря на чувство долга и понимание важности того, что она делает, где-то глубоко внутри ей не хотелось стать инкубатором наследников. Все, что происходило было каким-то неправильным. Не так все должно было быть в ее жизни. Она должна была создать семью с человеком, которого любит и от него рожать детей. Но что толку пенять на свою судьбу?

В этот раз Хиастолина не стала встречать его грубым словом. Она оставила свои бессмысленные попытки поставить на место этого смертного, которыми пыталась прикрыть горечь своей беспомощности. Молес был очень удивлен и немного разочарован. В нем теплилась слабая надежда, что холодное высокомерие принцессы отрезвит его и растопчет только начавшее разгораться в сердце неуместное чувство. Чтобы потом не было так больно. Но вопреки всем ожида-

ниям в этот тихий вечер она сама льнула к нему. Ее прикосновения, такие нежные, обжигали. Ранили большее ножа. Хиастолина кружила вокруг него, укутывая в сладкий запах ее тела, и Молес терял почву под ногами. Они не говорили ни слова. И это была их самая честная беседа. Она велась на языке тела, и в ней не было и капли лжи. Он тянулся к ней навстречу, пытаясь разгадать тайну, скрытую в ее нежном взгляде. Принцесса милостиво озаряла его лучами своего величия, но за ними Молес видел полное любви женское сердце. Впервые они не просто делили ложе, а занимались любовью. Когда все закончилось, и он собирался уходить, Хиастолина почувствовала колющую иголками боль расставания, и ей это не понравилось. Она пожалела, что дала слабинку и потянулась навстречу смертному. Потому твердо решила взять себя в руки и больше не делать глупостей.

Вернувшись в свою заснеженную глушь, Молес не находил себе места. Он мерял шагами деревянную хижину, выводя старого ворчливого мага из себя.

– Ты, вообще, чего вернулся? – с подозрением шурился Драдр, почесывая седую бороду. – Ты ж говорил: Вечное пламя, мощный артефакт, пойдешь добудешь, и пифии тебе путеводную нить дали. Запутал старика. Да сядь ты уже, наконец! Надоел мельтешить!

– Дурак я, дед. Ой дурак, – сокрушался Молес. Он чувствовал, что в любой момент готов сорваться и вломиться в

драконий дворец, чтобы просто увидеть ее еще раз.

– Тоже мне новость, – фыркнул Драдр. – Я тебя с малых лет знаю: таких дураков еще поискать надо. Молодой здоровый парень, умный, талантливый. Нет чтоб уйти с этого гиблого места и жить припеваючи. Взвалил на себя этих дармоедов неблагодарных и тянешь на своем горбу, загибаешься. Ну не дурак ли?

– Что ж ты такое говоришь, дед? – слова старого мага так озадачили Молеса, что он вдруг пришел в себя и даже на мгновение забыл о своих любовных терзаниях. – Как я могу так поступить?

– А чего ж не можешь? – удивился Драдр. – Ты гляди, все могут, а он не может.

– А как же ты? – Молес продолжал искать лазейки в этой странной логике. – Это, выходит, я и тебя оставить должен.

– Да на черта я тебе сдался! – в сердцах воскликнул Драдр, окончательно шокировав своего горе-ученика, который кроме как по другим мирам ходить, так толком ничему и не научился. – Старый я уже! Хочешь со мной в этом сарае скрючиться?!

– А Галея? – не унимался Молес. – Ты ж мне ее сватал анадьсь.

– Другую найдешь! – махнул рукой старик.

– Как другую? А вдруг она моя единственная?

– Ты всех девок во Вселенной видал? – хитро прищурившись поинтересовался Драдр. – Нет? Тогда откуда тебе

знать, что она твоя единственная?

В этот раз Молес отправился в путь сразу. Строгая драконья прислужница говорила, что нужно как минимум две недели, чтобы узнать результат. Значит раньше этого времени его не позовут. Если вообще позовут. Побывав там уже однажды ему не составило труда вернуться в то место, где его прервали. Он снова привязал веревку и стал спускаться. На дне узкого ущелья его ноги по щиколотку погрузились в кристально чистую воду бегущего там ручья. Молес долго шел по нему, пока путеводная нить не позвала его в другой мир. Словно перед погружением он задержал дыхание переходя через границу миров. В этом не было никакой необходимости, просто дурацкая привычка. Теперь вокруг него раскинулась горячая пустыня, слепящая яркими красками. На фоне оранжевых дюн небо казалось слишком синим, словно ненастоящим. К промокшим в ручье сапогам лип песок. Молес чувствовал себя ужасно глупо одетый в такую жару в теплую шубу, но по своему опыту знал, что лучше остаться в ней. Прогулка по песчаным холмам мало отличалась от прогулки по скрипучим снежным сугробам. Но спустя пару часов он все-таки устал как собака и был рад, когда путеводная нить позвала его в другой мир. Из слепящего пустынным солнце дня Молес шагнул в темную ночь и не сразу понял, где оказался. Когда его глаза привыкли, он увидел перед собой шелепящее волнами море.

«Да, вы издеваетесь!» – возмутился Молес, но ему никто не ответил.

Он решил, что стоит отдохнуть и продолжить путь, когда взойдет солнце. Вот теперь он снял с себя теплую шубу, предварительно скинув на мягкий песчаный берег топор и походную сумку, расстелил ее и лег сверху. Утром, с первыми лучами, Молес открыл глаза, сел и смотрел, как над морем поднимается солнце. Конечно, он не воспринимал слова старика всерьез, но они заставили его задуматься. Взглянуть на все иначе. Первое, что Молес вынес из их нелепой беседы так это то, что он не может быть ни в чем абсолютно уверен. Ему не ведомо, что будет. И даже что есть. Он знал только то, что знал. Его мир был только таким, каким он его видел и чувствовал. Зыбкий, как песчаные дюны. Второе, что Молес внезапно осознал, словно взглянув на все со стороны, что злой рок, неизбежно обрушающийся на головы людей, неизмеримо силен, но не всемогущ. И если кажется, что тебе не оставили выбора – это всего лишь самообман. Незримые цепи, в которые ты заключаешь сам себя. Пускай все было не так, как он хотел и не мог многого изменить – нет ничего удивительного в том, что у него не хватало сил, чтобы управлять всем миром. Но Молес сам решил остаться и бороться. Это его выбор.

Путеводная нить звала его в море. Он срубил пару деревьев и построил плот, связал узлом свои пожитки и отправился в плавание. Сначала море было спокойным и его жал-

кое судно легко несло вперед ветром. Но вскоре небо нахмурилось и плот стало раскачивать, как детскую люльку. Отливающие темной сталью волны вырастали перед ним, как исполины, поднимали вверх до самого неба и с этой вершины бросали вниз на самое дно, пока, отчаянно цепляясь за свои вещи, Молес не оказался под водой. Тяжелый топор тянул его на дно. Сердце испуганно заколотилось, но он собрался и, сосредоточившись, переместился в другой мир.

Под его ногами оказался серый камень, который словно из ведра окатило морской водой, переместившейся вместе с ним. Промокший насквозь Молес ощутил собачий холод и огляделся: горная вершина – вот где он был. Стуча зубами и ругаясь на всех языках, какие знал, Молес бросил впитавшую в себя морскую воду шубу, вместе с замотанными в нее топором и сумкой, на землю и быстро развел огонь. Хоть на это хватало его скромных магических способностей. У костра он согрелся и высушил вещи. Молес не знал, куда дальше поведет его путеводная нить. Пифии сказали ему, что где-то там в пустынных безлюдных мирах спрятан мощный артефакт. «Никто не знает где, – сказали они. – А если бы знали – забрали давно». «Так ты добудешь Вечное пламя, – сказала Алата. – Этот артефакт решит твое будущее».

Молес снова отправился в путь. Теперь он пролегал через цветочное поле. Пьянящий запах цветов бил в голову и пробуждал в нем воспоминания о лете на его родной земле. О счастливом и беззаботном детстве. Его голова тяже-

лела, взор затуманивался, а ноги слабели. Сначала Молес подумал, что слишком устал, вымотался, нахлебался холодной соленой воды и заболел, но быстро понял, что дело было в растущих повсюду синих цветах. Он попытался переместиться в другой мир, но не смог сфокусироваться. Не слушающимися дрожащими руками Молес достал из сумки чистый кусок сукна, который брал с собой на тот случай если нужно будет перевязать рану, и замотал им голову. Неуклюже, вместе с глазами. Это было не важно, ведь он уже ничего не видел. Было слишком поздно. Молес упал в мягкое цветочное море. Ему не верилось, что после всех битв, через которые ему пришлось пройти, он погибнет так: навсегда уснув в незнакомом безлюдном мире, где его никто не найдет, одурманенным ядовитой пылью цветов, о которых никогда не слышал. Прежде чем погрузиться в вечный сон Молес подумал: «Сама опасная ловушка та, о которой не подозреваешь».

На торжественной королевской трапезе, сидя вместе со всеми значимыми представителями драконьих династий за одним длинным столом, Хиастолина даже не притронулась к содержимому своей тарелки. Она задумчиво рассматривала всех присутствующих. Кто-то из них пытался убить ее. Самый веский мотив был у Аксиниты, больше всех возможностей было у нее же. Но Хиастолина не хотела верить в то, что ее глупая вспыльчивая сестра способна на нечто подоб-

ное. Что-то не сходилось. При рассадке каким-то удивительным образом Касситериан оказался рядом с ней. Неизвестно, как ему это удалось, но в тот момент Хиастолина была не настроена на романтические беседы.

– На твоём месте сидела Аксинита, но я уговорил её поменяться с тобой, – заговорщицким шепотом сообщил ей Касситериан. – Она пересела к Улексию. Ты знаешь, что он влюблен в Аксиниту?

– Да почему мне все об этом говорят?! – вспыхнула Хиастолина.

Она отставила нетронутую тарелку и быстрым шагом покинула торжественный зал. Касситериан бросился за ней. Нагнав её в коридоре, он в какой-то момент попытался придержать её за руку, но вовремя остановился.

– Что с тобой, душа моя? – Касситериан искренне хотел ей помочь, но это только раздражало гордую наследную принцессу. – Что тебя тревожит? Я помогу тебе. Я стану твоей опорой и утолю все твои печали.

Раньше подобные слова приносили ей утешение, но теперь казались ей такими пустыми и бессмысленными. Она и сама прекрасно знала ответ на свой вопрос. Улексий был принцем каменных драконов, и если он благоволил её сестре, то они запросто могли объединиться. Тогда не только покушение, возможен был даже переворот.

– Как я могу оставаться спокойной, когда кто-то пытается меня убить? – холодно спросила Хиастолина.

– Так ты тревожишься об этом? – Касситериан не привык к тому, что его возлюбленная говорит с ним в таком тоне. – Эти детские попытки не смогут причинить тебе реального вреда. Ты же понимаешь. Ты слишком сильна, как и я.

– Как ты можешь быть так уверен?! – она ощущала сильную тревогу. – Я даже трапезу принять спокойно не могу! Ты знаешь, что вся моя еда была отравлена? А если это и правда Аксинита?

– Ну и что? Она ничего тебе не сделает, ты на много сильнее.

Касситериан и правда был растерян. Он не понимал почему это ее так беспокоит. Разве можно отравить дракона? Но будучи безмерно влюбленным в Хиастолину, Касситериан решил поддержать ее в чем бы то ни было.

– Я найду того, кто пытается причинить тебе любой даже малейший вред, – со всей искренностью пообещал ей принц ледяных драконов. – Любой, кто заставляет твой лоб недовольно морщиться, поплатится за это. Ты мне веришь?

Хиастолина не понимала, почему в такой ситуации он не может быть серьезен, а только несет какой-то романтический бред. Но он был ее единственным. Посланным ей небесами. Поэтому она решила смягчиться и дать ему шанс.

– Конечно, – ласково улыбнувшись, ответила Хиастолина. – Я верю, что ты защитишь меня, любовь моя. И ни о чем не тревожусь.

Но наперекор этим словам необъяснимый страх в ее серд-

це разрастался все сильнее. Она сосредоточилась и поняла его причину. Касситериан хотел ей еще что-то сказать, но Хиастолина вдруг перенеслась куда-то, обратившись ярко-красными языками пламени.

По мере того, как к нему возвращалось сознание, Молес ощущал, как чьи-то лечебные заклинания выводят из его тела цветочный яд. Он открыл глаза и подумал, что ослеп. Но понял, что его голова все еще замотана тканью.

– Просыпайся! – приказал знакомый голос, и его окатили холодной водой. Мокрая тряпка прилипла к лицу, и ему показалось, что он захлебывается.

– Я не сплю! – тщетно пытаюсь сорвать с себя бесполезную повязку, возмущенно промычал Молес. – Какого демона, было меня поливать водой?!

– Послушай меня, смертный, – с презрением сказала Хиастолина, – если ты думаешь, что я буду тебя все время тебя спасать!..

– Я не просил меня спасать! – все еще сражаясь с повязкой, возразил Молес.

– Ты чуть не умер, – ее поразило его упрямство. – Если бы я не пришла – твои кости сгнили бы на том поле.

– Ничего бы не случилось, – махнул рукой Молес. – У меня все было под контролем.

– Если ты умрешь, Контракт накажет меня, – от злости сжимая зубы, напомнила ему Хиастолина.

– Все шло по плану, – ворчал Молес.

– Я не собираюсь все время бегать и спасать тебя! – сорвалась на крик принцесса драконов.

– Это и не понадобится, – он никак не мог распутать мокрую ткань на голове.

– Я надеюсь на это, – Хиастолина подумала и добавила: – Еще раз такое случится, и я запроу тебя в темнице.

– Не случится, – пообещал Молес.

Ему наконец удалось справиться с повязкой, но, когда он ее снял, рядом никого уже не было. Молес жалел, что ему не удалось увидеть свою драконью принцессу.

Мысли

В Зале Правосудия шел суд над громобойным драконом. Представители королевских семей, одетые в ритуальные мантии, стояли между исписанными древними письменами стелами. Динабон возвышался над всеми, сидя в кресле Верховного судьи. Таящаяся в нем безмерная сила сделала его взгляд сумасшедшим. Хиастолина не смела этого сказать, но в душе она очень боялась своего отца. В центре образованного присутствующими круга стоял подсудимый. Он взял всю вину на себя, чтобы защитить свой клан, и теперь по приговору будет навсегда изгнан. Но Хиастолина точно знала, что это была осознанная жертва. Громобойные драконы показали свою силу. Законная наследница трона ощутила себя окруженной врагами: интриги, покушения, угрозы.

После суда Касситериан нагнал ее, и они отправились на прогулку по цветущему саду. Царивший здесь аромат цветов неприятно напоминал Хиастолине о едва не погибшем смертном, и она постаралась отогнать от себя эти мысли. Но, как назло, Касситериан заговорил именно об этом.

– Куда ты отправлялась? – прямо спросил он.

– Это неважно, – она попыталась избежать этой темы. –

Не хочу об этом говорить.

– А мне показалось, что важно, – недовольно поджав гу-

бы, настоял Касситериан. – Ты была очень взволнованной, я переживал.

– Право не стоит об этом, – ответила Хиастолина, но, наткнувшись на его хмурый взгляд, сдалась. – Смертный, с которым у меня Контракт, едва не погиб, пришлось его спасти. Вот и все.

– Так ты о смертном так волновалась? – по голосу было явно слышно, что принц ледяных драконов разозлился еще больше.

– Конечно, я волновалась! – Хиастолине не нравилось, что их отношения стали такими напряженными. – Но не о нем, а о себе. Если он умрет – меня ждет страшное наказание от Контракта. Или моего будущего ребенка. С чего же мне не волноваться?

– Люди такие ничтожные, – сказал Касситериан, и ей не понравилось то, каким тоном это было произнесено. – Но своего места они не знают. При этом их так много. Как муравьев.

– Что ты такое говоришь? – она растерялась, ей стало неуютно рядом с ним, и показалось что она его совсем не знает.

– Когда ты придешь к власти, то сможешь подчинить соседние миры, – в его глазах загорелись опасные огоньки фанатических идей. – Ничтожные смертные увидят твое величие и преклонятся пред тобой. Я буду тенью следовать за тобой всегда, ограждая от бед и поддерживая на этом пути.

– Мне странно слышать такие речи от тебя, любовь моя, – Хиастолина ощутила, как, незаметно застилавшая ей глаза, пелена детской наивности, начала спадать: не все вокруг понимали ее и разделяли ее взгляды – точнее никто. – То, о чем ты говоришь – верный путь в Темные миры, я же желаю повести наш мир к Свету. Люди и правда признают в нас богов, но лишь узрев нашу добродетель. Раз мы стоим над ними, то и помыслы наши должны быть более возвышенными. То, что ты говоришь – недостойно для существ, обладающих благородством.

Ее слова ударили, как пощечина, по самолюбию принца ледяных драконов.

– Ты просто хочешь путаться с людьми! – неожиданно резко воскликнул Касситериан, и она буквально захлебнулась от негодования.

– Я думала, мы обсуждаем наши взгляды, – сжимая кулаки, как можно более сдержанно ответила Хиастолина, – но все чего ты хочешь – это обидеть меня. Оскорбить. Втоптать в грязь.

– Я не это хотел сказать, – Касситериан тут же пожалел, что на мгновение малодушно позволил вспышке ревности овладеть собой.

– Понимаю, тебе тяжела и неприятна эта ситуация, – она перестала сдерживаться и стала срываться на крик, не опасаясь, что их кто-нибудь услышит. – А какого мне?! Ты об этом подумал?! Я жертва! Это меня обстоятельства застав-

ляют забыть о гордости и терпеть это унижение! Да как ты смеешь упрекать меня в чем-либо!

– Я правда жалею о своих словах, – Касситериан пытался оправдаться, но было слишком поздно – он пересек черту.

– После того, что ты сказал, – холодно произнесла Хиастолина, – я поняла, что тебе нужно время подумать над тем, какой ты меня видишь. И пока ты этого не поймешь, нам не стоит видеться.

Впервые за все время, что они были знакомы, они так говорили друг с другом. Это была их первая ссора. И в первый раз их энергии схлестнулись не от случайного прикосновения, а от охватившей их обоих злости. Цветущие на деревьях цветы почернели и стали опадать. Сад окутала тьма. Земля задрожала, и между возлюбленными в ней образовалась глубокая трещина.

Еще семь дней Молес продолжал свой тяжелый и опасный путь. Он преодолевал все возникшие препятствия и преграды, стараясь постоянно оставаться начеку и не попасть снова в эту унижительную ситуации. Больше всего на свете ему не хотелось, чтобы его спасали драконы. Даже если это была та, кого так жаждало увидеть его безнадежно влюбленное сердце. «Спасла она меня, как же», – ворчал Молес, карабкаясь по отвесной скале и аккуратно огибая жерло вулкана по тонкому краю. Он шел через снежные заносы, преодолевал пороги рек на собственноручно построенных на скорую руку

лодках, осторожно ступал по окутанным плотным туманам болотам, стараясь думать только о своей цели. Но что бы ни делал, все его мысли были лишь о ней одной. Ему не встречалось ничего живого, пока он не дошел до широкого кратера. Там на его дне копошились страшные твари. Они сражались друг с другом и пожирали друг друга. И Молес понял, что это конец его пути, и где-то там внизу лежит то, что он искал. И чтобы добыть это ему придется сразиться со всеми этими монстрами. Не колеблясь, Молес достал из-за спины свой тяжелый топор и спустился вниз.

Его Величество король драконов почти не появлялся ни в своих покоях, ни в торжественных залах. Если кто-то желал его найти, ему стоило идти в подземелье. Здесь Динабон блуждал среди статуй, погруженный в только ему ведомые думы, и потревожить его мало кто решался. Но когда Хиастолина спустилась туда, ей сперва показалось, что там никого нет. Свечи слабо освещали это место, оставляя теням много свободы для танцев. Она позвала отца, но никто ей не ответил. Только странное шипение доносилось откуда-то из глубины украшенного арками бесконечного коридора. Оттуда он и появился. Огромный серый ящер, вращающий сумасшедшими глазами. Хиастолина едва не закричала, но вовремя сдержалась.

– Что случилось, дочь моя? – приблизившись спросил Динабон, не меняя своего ужасающего обличия.

– Так ли важно то, что я делаю? – стараясь сохранить самообладание, спросила Хиастолина. – Я говорю о продолжении рода. Если потомков произведут на свет мои сестры, я готова в последствии передать свою власть им.

– Продолжение рода, – повторил Динабон и его выпученные глаза завращались сильнее. – Тебе нужно укрепить свою власть. Укрепить наш род. Нужно больше огненных драконов. Почему ты еще не сделала этого?

– Я стараюсь, – вздохнула Хиастолина, на мгновение ей захотелось, чтобы отец поскорее покинул этот мир, и тогда уже никто не был бы в силах заставлять ее делать что-то настолько противное ее сердцу. Она прогнала от себя эти ужасные мысли и снова взяла себя в руки. – Кто-то мешает мне, – прямо сказала она.

Огромный занимающий собой почти все пространство дракон наклонил свою голову. Хиастолина увидела свое отражение в его сумасшедших глазах.

– Так разберись с этим, – приказал ей король драконов.

Пифии сидели вокруг своего никогда не гаснущего костра и соревновались в том, чей вещий сон был страшнее. Полог входа распахнулся и в священную курильню вошел Молес. Измученный и израненный своим долгим путешествием он первым делом явился сюда. Молес бросил на землю сверкающий меч, добытый им с огромным трудом, и сказал:

– Это не то, что вы мне обещали. Это не Вечное пламя.

Это просто меч.

– Это не простой меч, – возразила Алата. – Это оружие великой силы. Им ты сможешь поразить кого угодно.

– Да-да, – как змеи зашипели беззубые слепые старухи. – Страшное оружие. Убьет кого угодно.

– Мне не нужно убивать кого угодно, – теряя терпение, сказал Молес. – С сангьяками я прекрасно справляюсь и топором, а больше врагов у меня нет. Мне не нужно оружие. Мне нужна сила, которая сможет согреть наш мир.

– Да-да, – снова прошелестели они. – Вечное пламя.

– Старые ведьмы! – не сдержавшись, провыл Молес. – Вы совсем из ума выжили. Отправили меня в это бессмысленное опасное путешествие, где я чуть не сдох, как пес бродячий. Обещали, что я найду Вечное пламя.

Они переглянулись невидящими глазами.

– Вечное пламя не нужно искать, – за всех ему ответила Алата. – Оно само к тебе придет.

Пещера

Хиастолина сидела на кровати среди ритуальных вуалей и была погружена в тяжелые мысли. Молес тоже был не в лучшем расположении духа. Последние несколько дней он провел сидя на заснеженных склонах, глядя в даль и проклиная пифий всеми знакомыми ему оскорблениями, какие только мог вспомнить. Они разделись молча, не глядя друг на друга. Он положил руку на ее хрупкое плечо, когда прозвучал взрыв. В одно мгновение мимо них пролетели все разноцветные вуали, напоминая ей стаю драконов в небе, за ними последовали острые осколки стен. Пока Молес был оглушен и растерян, Хиастолина схватила его за руку и, используя заклинание, провела его прямо через стену на ведущую вниз винтовую лестницу. Они быстро спустились и оказались в сверкающей алмазами наполовину затопленной пещере. Принцесса огненных драконов снова использовала магию, и проход за ними наглухо закрылся.

– Это что сейчас такое было? – наконец придя в себя, спросил Молес.

– Ничего, – грубо отмахнулась от него Хиастолина, она не собиралась отчитываться о своих делах перед каким-то смертным.

Она села на ближайший камень и стала внимательно рас-

смаатривать его. Магический взрыв сорвал с его лица, наложенное на него заклинание, и Хиастолина впервые увидела лицо человека, с которым делила ложе последние несколько месяцев. Касситериан соврал ей: смертный совсем не был похож на жабу. Даже напротив, он был очень молод и красив. Золотые непослушные волосы топорщились в разные стороны. Лукавые глаза были бледно-голубыми, как зимнее небо, а улыбка – теплой, как летнее солнце. Хиастолина с досадой подумала, что к терзающим ее по ночам назойливым снам теперь прибавиться и его лицо, и отвернулась.

– Как это ничего?! – возмутился Молес. – Комнату, в которой мы только что были, разнесло в щепки. А ты говоришь «ничего»! Они придут сюда? За нами?

– Не за нами, а за мной, – Хиастолина расчесала пальцами сбившиеся волосы, меньше всего ей хотелось сейчас обсуждать с ним свою жизнь, с этим посторонним. – Никто не придет. Даже полный дурак не вступит со мной в открытое сражение. Я наследная принцесса огненных драконов и всего драконьего мира. Если есть кто-то способный противостоять мне, то я таких не знаю.

– Ого, – уважительно присвистнул Молес. – А чего мы тогда сбежали, а не бросились в погоню.

– Не хочу, чтобы кто-то видел мой позор, – тихо ответила Хиастолина, и ему стало неловко, словно это он был виноват в том, как все сложилось.

Молес встряхнул головой, выгоняя из нее глупые мысли.

– Но это же покушение? – он продолжал ее допытывать, а она сама не зная почему отвечала. – Тебя пытаются убить, чтобы не дать тебе занять трон? Ты что какой-то страшный тиран?

– Что? – Хиастолина даже растерялась. – Нет!

– Тогда почему кто-то не хочет, чтобы ты правила? – с детской наивностью спросил Молес.

– Чтобы занять мое место разумеется, – ее очень удивило, что кто-то может этого не понимать.

– Жуть какая! – он театрально всплеснул руками. – Да кому это надо?! Это такая ответственность! И куча работы! И все на тебя смотрят ждут, что ты скажешь. А если тебе сказать нечего? Это ж надо постоянно придумывать, что такое умное сказать. Я бы так ни за что не смог! Ну нет, я бы на такое ни за что не подписался! Если у вас тут это место освободится и других кандидатов не будет, даже не упрашивайте! Ни за какие коврижки править я не буду! Еще и убить пытаются...

Она засмеялась, Молес перестал кривляться и улыбнулся. Хиастолина поняла, что давно вот так искренне не смеялась.

– Ты совсем сумасшедший, знаешь об этом? – беззлобно заметила она, почувствовав странное облегчение.

– Так ты знаешь, кто это сделал? – он все-таки бросил дурачиться и вернулся к серьезному разговору. – Может это тот парень, похожий на тебя?

– Похожий на меня? – озадачилась Хиастолина.

– Да, высокий бледный парень. Угрожал мне шпагой.

– Касситериан? – неуверенно предположила она.

– Гром и небо, – схватился за сердце Молес. – Это что имя такое? Зачем же такое сложное и длинное?

– Почему же сложное? – оскорбилась Хиастолина. – Нормальное красивое имя, нормальной длины. Он Касситериан, я Хиастолина.

– А сокращенные варианты какие-нибудь есть? – с надеждой в голосе поинтересовался Молес. – Вроде Кас и Хиа?

– Да как ты смеешь коверкать великие имена драконов?! – возмутилась наследная принцесса.

– А чего это они такие длинные и заковыристые? – пожал плечами Молес.

– Я Хиастолина, дочь великого короля драконов и наследница престола! – воскликнула она, продолжая смотреть в другую сторону, все-таки они оба все еще были полностью обнажены. – И не позволю сокращать мое имя!

– А я Молес, – пожал плечами парень, – сын кузнеца. Можно просто Мол.

– И зачем мне это знать? – не зная куда деть руки, Хиастолина снова стала расправлять свои волосы. – После того, как ты получишь Грамоту, наши пути навсегда разойдутся, и мы больше никогда не встретимся.

– Так этот Космозверь – твой брат? – проигнорировав ее слова, спросил Молес.

– Касситериан, – раздраженно поправила его Хиастоли-

на. – Нет, конечно. Я принцесса огненных драконов, а он принц ледяных. К тому же у меня нет братьев, только две сестры. Хватит болтать, – она огляделась, выбирая камень достаточно большой, чтобы стать их ложем. – Давай сделаем, что должны и я уведу тебя отсюда.

Молес не стал возражать. Он взял на руки свою обнаженную возлюбленную и отнес ее на большой плоский валун. Хиастолина сделала знак рукой, и по ее велению камень под ними стал мягким, как постель. Молес ласкал ее тело, и на тепло его рук отзывалось израненное сердце наследной принцессы. Их дело было сделано, но они продолжали лежать в свете блеска волшебных алмазов и смотреть друг на друга. Хиастолина не хотела уходить. Там наверху никому не было и дела до ее мыслей и слов. Все слушали только самих себя.

– Давай сделаем это еще пару раз, – предложила она. – Чтобы наверняка.

– Как ты думаешь, почему у нас не получается? – раньше Молесу было все равно, но теперь он хотел понять.

– Кто-то не дает зародиться жизни во мне, – сказала Хиастолина.

– Тот же, кто пытается тебя убить? – ему все еще казалось это очень странным. – Если бы погналась за тем, кто устроил взрыв, то, наверняка, все узнала бы.

– Наверное, – она отвела взгляд и долго молчала. – Если это тот, о ком я думаю, то лучше будет не знать.

Молес пытался понять ее слова, потом резко сел и серьезно глядя ей в глаза произнес:

– Я давно хотел тебя кое о чем спросить, – его слова насторожили ее и Хиастолина тоже села, напряженно ожидая, что он скажет. – Ты же принцесса огненных драконов, почему твои волосы какие-то серые, а не красные?

– Серые? – она разозлилась и ущипнула дерзкого смертного. – Они прекрасного пепельного цвета. Что ж тебе, наверное, понравилась бы моя сестра Аксинита. Она полностью соответствует твоим ожиданиям. Красные волосы и огненный темперамент. Или, может, ты мечтаешь возлежать со всеми тремя сестрами?

– Ну не знаю, – лениво протянул Молес. – Надо на них сначала посмотреть.

– Ты вроде говоришь на общем языке, как все, но мне противно, каждое слово, что вылетает из твоего рта! – воскликнула Хиастолина. – Жалкий червь!

– Это еще что? – наигранно удивился он. – Ругательство такое? Даже необидно. Тебе нужно над этим поработать. Я, кстати, большой мастак в этом и знаю много забористых выражений. Если хочешь, могу научить.

– Прекрати, – она отвернулась, но Молес успел увидеть печаль в ее взгляде.

– Если ты умрешь – наследницей станет твоя сестра? – прямо спросил он. – Сестра с огненными волосами Аксинита?

Вместо ответа Хиастолина просто молча посмотрела на него, и Молес увидел боль в ее глазах. Ему стало жаль процессу драконов.

– Какой ужас, – вздохнул он, и в этот раз в его голосе не было ни смеха, ни издевки. – Ты думаешь, что тебя хочет убить родная сестра. Ясно почему ты так расстроена.

Хиастолина была поражена, она не хотела этого признавать, но то, что не мог понять никто, даже ее возлюбленный Касситериан, понял почти незнакомый с ней смертный, просто взглянув ей в глаза. Молес протянул руки и заключил ее в объятия. Она хотела оттолкнуть его, но вместо этого уткнулась ему в плечо и заплакала. Слезами излив на него все, что так долго словно острым лезвием разрезало ее сердце, Хиастолина отстранилась, и Молес сказал:

– Ты ведь не знаешь этого наверняка. Может это все ошибка.

– Может быть, – согласилась она, вытирая с щек мокрые дорожки.

Выпустив копившиеся в груди слезы, Хиастолина ощутила облегчение. Потом они долго сидели молча, а после, отдохнув и успокоившись, снова прильнули друг к другу. Они любили друг друга нежно. Потом ее охватило странное чувство, будто она наконец получила то, что думала никогда не будет ей принадлежать. Сидя сверху, выгибаясь в спине Хиастолина двигалась плавно, с наслаждением позволяя этому чувству охватить себя полностью. Молес гладил ее талию

рукой и увидел, как мраморно-белая кожа покрывается лазурной чешуей, вопреки ожиданиям теплой и бархатной на ощупь. Он уже и забыл, что девушка, покоровившая его сердце, не просто человек. Но все признаки ее принадлежности к драконьему племени исчезли, словно наваждение, и она снова стала такой же обычной и осязаемой, как он сам. Потом они влажные от пота и утомленные опять лежали, глядя друг другу в глаза.

– А что ты? – спросила Хиастолина. – Для чего тебе Грамота?

– Я расскажу, если тебе интересно, – Молес не был болтуном, но никогда не делал тайну из своей жизни. – Все очень просто. Когда я был еще подростком, в мой мир неизвестно откуда стали приходить чудовища. Я называю их сангьяками, что с нашего языка значит «большой козел».

– Это в твоём духе, – усмехнулась Хиастолина, ей уже казалось, что она знает его всю жизнь.

– Они обладают ледяной магией, – он думал, что именно сказать, потому что рассказать можно было многое или почти ничего. – Сангьяки не только убивают и едят людей, но приносят холод. С их появлением в моем мире наступила затяжная зима, а последние пару лет она не заканчивалась совсем. Ничего не растет, животные тоже вымерли. Многие люди умерли от голода. Я обошел свой мир вдоль и поперек, похоже кроме горсти людей, живущих в деревне, которую я защищаю от сангьяков, больше никого не осталось. Тяже-

лее всего смотреть, как голодают дети, – Молес погрузился в свои мысли и в его сознании возник вопрос: – Ты говорила: Костолапый – ледяной дракон. Сангьяки – это же его магия. Он вполне мог насрать их.

– Нет! Что ты! – Хиастолина отрицательно покачала головой. – Касситериан не мог такого сделать! Это не он!

Ей вдруг вспомнились слухи о том, что ледяные драконы насылают монстров на человеческие миры. Еще недавно она сказала бы, что это вздор. Но после их ссоры в саду в ее сердце прокрались сомнения, и это уже не казалось ей таким уж невозможным.

– Кто научил тебя магии? – осторожно спросила Хиастолина. – Ты сказал, что твой отец кузнец.

– Да, мои родители погибли одними из первых, мне тогда пятнадцать было, кажется, уже больше десяти лет прошло, – Молес с удивлением понял, что ему до сих пор тяжело об этом говорить. – Меня приютил один старик. Магия громко сказано. Из него самого маг такой себе, но знает он очень много. Он научил меня общему языку и ходить по другим мирам, но это вообще не магия, это любой человек сможет, тут больше от умения собраться и смелости зависит. Будь у меня хоть маломальский магический талант, я б уже разобрался с этой напастью. А так только знания кое-какие. Про Грамоту мне тоже он рассказал.

– Ясно, – на мгновение его жизнь показалась ей более интересной и свободной, чем полная малодушных интриг

жизнь во дворце. – Почему ты обратился именно к драконам? Ведь миров с готовыми заключить Контракт бессмертными бесчисленное множество.

Вот на этот вопрос ему действительно не хотелось отвечать, но было нечестно требовать искренности от нее, а самому замалчивать правду.

– Раньше у нас было много храмов, служили в них только женщины. Сейчас осталась только горстка старых пифий в шалаше, – настал черед Молеса отвернуться, чтобы скрыть выражение своего лица. – Ты верно сказала – мой отец был кузнецом. А мать была молодой жрицей. Она поклонялась драконам, как богам. В нашем доме был алтарь, заставленный статуэтками, изображающими драконов. Она верила, что по вашему велению растет пшеница и рождаются овцы, даже солнце восходит, только благодаря великим драконам. Я тогда особо не задумывался об этом, был еще ребенком. Но когда напали сангьяки, она постоянно молилась и говорила, что всемогущие драконы спасут нас. Она и правда в это верила, – он горько усмехнулся. – Но никто не пришел. Потому что никакие вы не боги. Узнав про Контракт, я первым делом подумал о драконах, чтобы встретиться с ними лицом к лицу и самому убедиться в этом.

Хиастолина не знала, что на это сказать. Ей было неприятно это слышать, и она постаралась не думать об этом. Молес не требовал от нее ответа. Вместо этого, он притянул ее к себе, и они снова слились в страстном танце.

– Это был последний раз, – сказала Хиастолина, когда они закончили. – Теперь я никому не дам мне помешать, и ты получишь свою Грамоту.

– И мы больше никогда не увидимся? – это был риторический вопрос, просто мысль, подталкивающая его на безнадёжные попытки что-то изменить. – А ведь мы такая хорошая пара. Мы могли бы быть вместе.

– Ты же ненавидишь драконов, – одернула его Хиастолина.

– Чего это вдруг? – возразил ей Молес. – Никого я не ненавижу. Просто не считаю вас богами. То есть ты, конечно же, богиня. Ну красота у тебя просто божественная. Вот только характер...

– Что за идиот, – вздохнула она.

– Вот, уже лучше, – похвалил ее Молес. – Я говорил, что научу тебя ругаться. Пока, конечно, слабовато, то определенные подвижки уже на лицо. Будем жить вместе: я, ты и маленький.

– Как вообще можно представить нас в месте? – поразилась наследная принцесса. – Ты не в своем уме.

– Может я и без ума от любви, – не стал спорить Молес. – Но, по-моему, у нас все могло бы неплохо сложиться.

– Я принцесса огненных драконов, – напомнила ему Хиастолина. – А ты обычный человек. Ты всегда будешь жить в моей тени.

– Мне нравится тенек, – он улыбнулся и взял ее за руку. –

Люблю понежиться в теньке, особенно в жаркую погоду.

Она смеялась.

– Соглашайся, – продолжал уговаривать ее Молес, прекрасно понимая, что это невозможно. – Обещаю, что тебе со мной будет весело. Вот видишь, ты уже не хмуришься.

Хиастолина задумалась. Ей и правда было с ним легко. Рядом с этим человеком она чувствовала себя свободно и могла быть самой собой. Для него не имели значения ее высокий статус и огромная сила. Он слушал, что она говорит, и, самое главное, понимал ее слова. На секунду она позволила себе поверить, что и правда может уйти с ним подальше от дворцовых интриг и где-то там, в далеких мирах, жить счастливо ни о чем не думая и не тревожась. Хиастолина сжала кулаки и взяла себя в руки.

– Хватит бессмысленных разговоров, – велела она и призывала их одежду. – Тебе нужно уходить.

Молес не стал возражать. Он с самого начала знал, что ничего не получится, уже тогда, когда понял, что влюбился. Молес надел свою обычную одежду, и Хиастолина впервые увидела его таким: в теплых сапогах и шубе. Ей вдруг явно представился его заснеженный мир, где царит вечная зима и голодают дети. Но если бы она, еще не заняв трон, пришла туда и вмешалась, это расценили бы, как захват мира и расширение ее влияния. За ней следило слишком много глаз.

Смерть и рождение

Отправив смертного обратно в его мир, Хиастолина заперлась в своих покоях, окружила себя защитными заклинаниями и ни с кем не виделась много дней. Только смотрела вдаль из окна и думала о своей жизни. Она прокручивала в своей голове последние события столько раз, что страшно устала от себя самой. Тогда, обложившись любимыми книгами, принцесса погрузилась в чтение, чтобы убежать в чужие мысли от своих собственных. За этим занятием ее и застал Касситериан. Оконный проем покрылся инеем, когда в него влетел ледяной дракон и окруженный голубым облаком своей магии обратился принцем.

– Как я рад видеть тебя, свет мой, – сказал ей Касситериан, но в ответ она лишь слабо улыбнулась. – Надеюсь не я тому виной, что ты заключила себя в этой башне.

– Вовсе нет, – Хиастолина покачала головой, откладывая в сторону книгу. – Можешь не тревожиться, ты здесь ни при чем.

– Тогда кто в этом виноват, – он нахмурился, его огорчили ее слова. – Я думал, ты тяжело переживаешь нашу размолвку, но видно, что кто-то другой занимает твои мысли.

– О чем ты говоришь? – все ее мысли вели к тому, что она не могла на него смотреть как прежде. – Я укрылась здесь от

чар тех, кто желает помешать родить мне наследника.

– Ты так сильно хочешь ребенка от этого смертного? – бездумно выпалил Касситериан, ничего не вынеся из их ссоры, но Хиастолина больше не злилась, она поняла, что в нем таится мелочная ревность, и ожидала от него подобных слов.

– Когда родится ребенок, мы с ним больше никогда не увидимся, – напомнила она.

– И ты, конечно же, об этом жалеешь, – его глаза сверкали яростью.

– Нет, – устало вздохнула Хиастолина. – Это всего лишь смертный, с которым меня ничего не связывает. Не понимаю, почему ты столько думаешь об этом.

– А как мне не думать?! – закричал Касситериан. – Когда моя возлюбленная...! Я не могу даже прикоснуться к тебе! А он делил с тобой ложе!

– И ты винишь в этом меня? – холодно уточнила Хиастолина.

– Я виню его! – руководствуясь одними лишь эмоциями воскликнул принц ледяных драконов. – Эта мерзость! Этот низкий безродный смертный, подобный грязи на подошве, посмел осквернить великую наследную принцессу! Притронуться к ней своими жабьими лапами!

Она вспомнила, как Молес раскритиковал ее умение ругаться, и усмехнулась. Касситериан даже не заметил этого и продолжал свой гневный монолог:

– И он должен ответить за это! – заявил он. – Его нужно

обезглавить, утопить, испепелить!

– Перестань, – Хиастолина попыталась остановить его лишнюю какого-либо смысла речь. – Молес ни в чем не виноват.

– Теперь ты зовешь смертного по имени?! – побледнел Касситериан.

Хиастолина осеклась, она и не подозревала, что он действительно так зол. Касситериан наградил ее гневным взглядом и, рассыпавшись на ледяные осколки, переместился. Хиастолина вскочила со своего мягкого кресла, сидя в котором все это время спокойно наблюдала за его детской истерикой, даже не догадываясь к чему это может привести. Она отправилась за ним следом. В мир бесконечной зимы.

Молес как раз закончил сражаться с сангьяком и стоял возле мертвой туши поверженного монстра, устало опираясь на свой двуручный топор. Дракон появился из неоткуда и сшиб его с ног. Кувыркаясь в снегу, Молес отлетел далеко, почти до ближайшей скалы. Не чувствуя спины, он попытался встать и увидел, как в него направлена струя ледяного драконьего дыхания, способная тут же убить его на месте. Молес не успел бы убежать и был бы уже мертв, но голубое облако отбросило в сторону ярким пламенем. Другой дракон налетел на того, кто его атаковал, и они сцепились высоко в небе. Оно почернело, разрываемое молниями. Земля задрожала. Драконы рухнули на землю и обратились людьми. Мир стал таким как прежде. Они стояли, глядя друг на друга. На

их лицах были следы их недолгого, но яростного сражения. Раны затянулись, но взгляды не стали мягче.

– Не мешай! – воскликнул Касситериан.

– Одумайся! – тоже не сдерживала голос Хиастолина. – Ты ведешь себя неразумно! И неблагородно!

– Ты защищаешь его! – он кипел от злости и не мог сдерживать ее.

– Я защищаю себя! – попыталась возвать к его разуму Хиастолина. – Мы связаны Контрактом. Если он погибнет, меня ожидает страшная кара!

– И я должен это терпеть?! – ничего не слушая, кричал Касситериан. – Что пока мое сердце разрывает от тоски по тебе – ты милуешься со смертным!

Он резко переместился к Молесу и попытался его ударить, но Хиастолина оттолкнула его в сторону. Снова раздался гром среди ясного неба и задрожали горы, обрушая вниз лавины. Хиастолина взмахнула рукой, и несущаяся на них сверху огромная волна снега растаяла без следа, даже не превратившись ни в пар, ни в воду.

– Ты обманула меня! – совершенно потерял рассудок Касситериан. – Говорила, что любишь меня!

– Я люблю тебя, – все еще веря в это, сказала Хиастолина.

– Ложь! – он посмотрел на нее с ненавистью, и ей показалось, что они незнакомы. – Ты будешь только моей или ничьей!

Касситериан ударил ее сильным заклинанием, и она с тру-

дом отбила его, не веря, что это действительно происходит. Он осыпал ее градом ледяных чар, и каждая его атака была сильнее, чем предыдущая. Хиастолина из последних сил держалась на ногах. Она только защищалась, не потому что была слабее, просто не могла решиться атаковать. Весь ее дух противился тому, чтобы ударить его в ответ. Ведь это был он. Касситериан. Ее любимый. Ее возлюбленный. Единственный кто был достоин ее и должен был стоять с ней рядом. Ее судьба. Но он сражался всерьез, и каждое его новое заклинание было способно убить ее. Хиастолина не видела, как подошел Молес. Как он достал из-за спины добытый им в долгом пути меч, по словам пифий способный убить кого угодно. Не видела, как он занес его. Но видела, как он убил им Касситериана. Простой смертный человек сын кузнеца Молес замахнулся своим мечом и отрубил голову дракону. Отрубленная голова принца ледяных драконов покатила по белому снегу, оставляя за собой кровавую полосу. Обезглавленное тело покачнулось и упало. Хиастолина закричала. Из ее глаз полились слезы. Молес обнял ее пытаясь успокоить, но она оттолкнула его.

– Ты убил его, – пугаясь этих слов, дрожащими губами прошептала Хиастолина.

– Он хотел тебя убить, – объяснился перед ней Молес.

– Я любила его, – сокрушаясь от горя повторяла Хиастолина. – Не тебя. Его. Я любила его всем своим сердцем, а ты его убил.

– Очнись! – воскликнул Молес, он тоже был напуган и расстроен тем, что произошло. – Если бы я этого не сделал, ты бы уже была мертва!

– Он просто разозлился, потому что тоже любит меня, – она пыталась оправдать Касситериана, хотя это уже было неважно.

– Если бы он любил тебя, то не стал бы причинять тебе вред несмотря ни на что, – Молес злился, потому что верил, что сделал то, что должен и не хотел, чтобы его теперь заставляли чувствовать себя убийцей. – Он хотел убить меня, зная, что это ударит по тебе. А потом и вовсе напал на тебя. Я бы никогда так не поступил! Чтобы ты ни сделала! Даже зная, что ты любишь другого! Демон! Да, я не стал бы пытаться убить тебя! Разве это любовь?

– Тебя это не касается, – Хиастолина одарила его взглядом полным презрения. – Ты ничтожный человек, недостойный даже находиться рядом с нами. Драконы стоят выше всех. Там, куда тебе не дотянуться. И ты посмел убить самого принца ледяных драконов. Да как ты себе только позволил помыслить о подобном?!

– Никто не выше и не ниже, – спокойно и уверенно ответил ей Молес, ему было жаль, что она до сих пор придерживалась таких нелепых взглядов. – Мы все равны. Выше всех для меня только ты. Лишь потому, что я люблю тебя.

– Замолчи! – приказала Хиастолина. – Только Контракт удерживает меня от того, чтобы превратить тебя в пепел. Ты

лишил меня всего. Не желаю тебя больше видеть и знать.

Став ярким пламенем, она вернулась в свои покои, но не обратилась обратно человеком. Убитая горем она металась среди этих стен, сжигая все на своем пути. Это агония продолжалась до тех пор, пока в пылающих комнатах высокой башни, в жарком пламени, которым стала принцесса огненных драконов, ни родилось на свет дитя.

ОТВЕТЫ

Молес наблюдал, как тело мертвого дракона рассыпается на яркие огоньки и тает в воздухе. Теперь он и его сила станут частью Вселенной. Именно так умирали бессмертные. Молес сбросил с себя топор и меч, потому что там, куда он собирался, они не могли его защитить и были только лишним опасным грузом. Как всегда, ему пришлось пересечь множество миров, чтобы оказаться во владениях высокомерных драконов. Впрочем, самих обладателей благородных кровей ему встретить «не посчастливилось». Среди цветущих фруктовых деревьев и стриженных кустов ходили только садовники с инвентарем и тележками. То, что его не вышли встретить вооруженные стражники означало, что Хиастолина никому не рассказала о смерти принца. Возможно дело было в Контракте, но Молес хотелось верить, что у нее были другие причины защищать его.

– Ты что заблудился, смертный? – улыбаясь спросил один из садовников, остальные поддержали его громким смехом. – Шел бы отсюда, пока кости целы.

– Раз пришел значит так надо, – угрюмо ответил Молес, ему сейчас было совсем не до шуток. – Как мне найти вашу принцессу?

– Какую тебе? – развел руками веселый садовник. – У нас

их много.

Молес был рад, что не взял с собой оружие и вместо того, чтобы зарубить его на месте, схватил мужика за грудки, поднял и хорошенько встряхнул:

– Где Хиастолина?

– Мне-то откуда знать? – прохрипел тот. – В покоях у себя, наверное.

Молес повернул голову и посмотрел туда, куда дрожащей рукой указывал подвешенный в воздухе садовник. Там, недалеко от цветущего сада, на низкой щербатой скале, похожей на прибрежные, стояла высокая узкая башня. У нее не было дверей, а окна были только на самом верху. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это величественное строение могло служить жилищем только тем, кто умеет летать. Но такой путь был привычен для закаленного воина. И никакая высота не пугала его. Ничего не боясь и не колеблясь, Молес отправился к скале и начал взбираться по ней вверх, пока ни добрался до башни, а после стал подниматься по ее бесконечной стене, цепляясь руками за щели между камнями и за обвивавшие стебли растений. Садовники задрали головы, чтобы ничего не пропустить и, посмеиваясь, наблюдали за ним. Они не звали никого, потому что были уверены, что человек сорвется с такой высоты, а если нет – то, как только достигнет окна, вспыльчивая принцесса испепелит его на месте. Но вопреки их надеждам, и часа не прошло, как смертный добрался до самого верха, где про-

плываюТ облака и летают птицы, и скрылся в оконном проеме. Разочарованные садовники вернулись к своей работе.

Просторная комната, в которой оказался Молес, пожаром была лишена мебели, но магия очистила ее от следов огня и копоти. В центре нее, укутавшись в теплый плащ, стояла Хиастолина и баюкала свое дитя.

– Это наш ребенок? – спросил ее Молес.

Хотя даже с расстояния нескольких шагов он прекрасно видел, что у новорожденного его голубые глаза и ее очерченные губы. Вместо ответа Хиастолина посмотрела на него невидящим взглядом и взмахом руки перенесла их троих в зал, в котором они когда-то заключали контракт. Волшебный испещренный рунами круг под их ногами засветился. Когда Молес стоял здесь в прошлый раз, то еще ничего не знал о принцессе огненных драконов, ее присутствие не требовалось, было достаточно того, что этот круг был написан ее рукой и ее кровью.

– Ты выполнил свою работу, человек, – сказала Хиастолина. – За это я дарую тебе Грамоту.

В воздухе появился объятый огнем свиток. Он развернулся и по нему заплясали письма. Это то, за что боролся Молес, ради чего был готов на все. Сила способная спасти его мир. Но он отвернулся от Грамоты и обратился к девушке, которую полюбил всем сердцем, которая родила от него ребенка, но она не хотела его слушать.

– Нам нужно поговорить, – взмолился Молес. – О том, что

произошло. Честное слово, не может же все закончиться вот так.

– Нас более ничего не связывает, – холодно сказала ему Хиастолина. – Забирай свою Грамоту и смотри не потеряй. Если явишься сюда, то нарушишь условия Контракта. Тогда я могу забрать ее и убить тебя.

Молес горько усмехнулся и взял Грамоту.

– Я не приду, – сказал он. – Но только потому, что ты этого хочешь. Потому что ты не желаешь меня больше видеть. А не потому, что боюсь потерять Грамоту. И уж точно не потому, что боюсь, что ты меня убьешь. Я верю, ты так не поступишь.

Хиастолина ничего не ответила. Она лишь снова взмахнула рукой и отправила смертного обратно в его мир.

Оказавшись дома, Молес понял, что ничего не чувствует. Внутри него была пустота. Возможно, он просто еще не успел осознать всего, что случилось. Молес решил, что не может больше думать только о себе и своих переживаниях и сосредоточился на том, ради чего все это затеял. Он достал из сумки Грамоту, и она, освещая комнату окутывающим ее пламенем, снова повисла в воздухе.

– Небеса ясные, – с благоговейным трепетом прошептал Драдр. – Да, неужто это Грамота?

– Она самая, дед, – кисло ответил Молес, его не радовала обретенная сила.

– Где достал? – седой маг, кружил вокруг нее, едва не на-

ступая на свою длинную бороду, но коснуться могущественного артефакта боялся. – Не говори, что продал душу демонам?

– Совсем сбрендил, старый! – Молес тоже смотрел на Грамоту, она словно говорила с ним, посвящая в свои тайны.

– Тогда как?

– Заделался драконьей шлюхой, – невесело пошутил парень.

– Ты же ненавидишь драконов, – изумился Драдр.

– Еще один, – Молес был зол на себя за то, что как ни старался не мог не думать о ней. – Никого я не ненавижу.

– И какие они? – старик вдруг понял, что душевные терзания его воспитанника тесно связаны с этой историей. – Великие и могущественные? Они летают в небе выше всех, выше облаков.

– Глупые, малодушные и самодовольные! – в сердцах кинул Молес. – Птицы тоже летают, а потом мы их едим. Не желаю слышать о них.

Он не стал говорить, что даже убил одного из них. Это не была честная битва один на один. И хотя Молес считал, что сделал то, что должен был и не корил себя за это, но это был не тот поступок, которым он мог бы похвастаться.

– Теперь в твоих руках драконья сила, – глаза Драдра жадно горели. – Не боишься, что я украду у тебя Грамоту?

Молес устало посмотрел на него.

– Забирай, – сказал он, – если хочешь.

На мгновение Драдр оторопел, но потом махнул рукой:

– Нет, лучше ты. Что-то мне боязно. А как ей пользоваться?

– Не знаю, – честно ответил Молес.

Он сел на пол напротив парящей в воздухе Грамоты и смотрел на меняющиеся на ней незнакомые символы. Драдр всю ночь ворочался на своей лежанке, переживая за парня. Как ни посмотрит – Молес сидит, не шевелится, а глаза голубым светом светятся. Только на утро поднялся на ноги и сказал:

– Я все понял: как работает Грамота и что мне делать.

По велению Молеса огненный свиток обвился вокруг его руки стальным браслетом. Молес вышел на улицу и пользуясь силой Грамоты поднялся в небо. За несколько дней он облетел весь свой мир и убил всех ледяных монстров, испепелив их красным пламенем. Снега стали таять, выпуская на волю зеленую траву и полевые цветы, застрекотали насекомые. В мире вечной зимы наступило лето.

Люди радовались, пели и танцевали. Им не верилось, что их беды закончились. Молес вернул в свой мир животных и обеспечил богатый урожай, вылечил все болезни, которые мучали изголодавшихся односельчан. Куда бы он ни пошел всюду ему радостно махали руками и благодарили. Даже пифии вылезли из своего шалаша, подставляя сморщенные лица теплым солнечным лучам.

– Ну, что нашел ты свое Вечное пламя? – смеялись они.

Молес ничего не отвечал. Он получил даже больше, чем мечтал, но на душе у него было тяжело.

– Чего ты маешься?! – не выдержал Драдр. – Неужто тоскуешь по своей драконихе?

– Чтоб ты знал, старый, – махнул на него рукой Молес.

– Поболе твоего, – оскорбился Драдр. – Или ты добыл Грамоту и зазнался?

– С чего тут зазнаваться? – они сидели на лавке возле дома и, слушая стрекотание сверчков, смотрели, как садится солнце. – С того, что я дурак? Что растоптал собственное сердце и теперь на этом месте ничего не вырастет? Мне теперь и жить незачем. Все что ждет меня – пустота.

– Ану дайка на тебя взглянуть, – сощурился Драдр. – Что-то ты не шибко на старую беззубую пифию похож. Откуда тебе знать тогда, что будет? Молод ты еще. Жить тебе еще и жить. И в этой жизни чего только ни будет.

Хиастолина не выпускала из рук своего ребенка ни на минуту, опасаясь, что кто-нибудь причинит ему вред. Она старалась вспоминать о Касситериане только хорошее, но все воспоминания застилала его полные ненависти глаза. Она старалась не думать о смертном, но ребенок на ее руках постоянно напоминал ей о нем. Хиастолина постаралась задушить эти неуместные чувства и вернулась к дворцовым делам.

Она прочитала все записи, касающиеся покушений на ее жизнь. И в них все указывало на Аксиниту. Недостаточно доказательств, чтобы тут же казнить ее, но достаточно, чтобы любой понял: это она пыталась убить наследную принцессу. Тогда Хиастолина провела свое расследование. Оно было очень коротким и очень точным. Хиастолина пришла к своей младшей сестре, чтобы поговорить об этом. Гиперса сидела у окна и читала. Всегда тихая и сдержанная. Аккуратно, чтоб не разбудить ребенка на руках, Хиастолина села напротив и сказала:

– Давно не виделись.

Гиперса одарила ее и сопящий сверток в ее руках скупящим взглядом.

– Ты была занята новорожденным наследником, – с пониманием сказала она.

– Не только, – Хиастолина думала, что сказать. – Я была занята поисками того, кто на меня покушался.

– И как? – Гиперса отложила книгу и стала внимательно слушать.

– Как и ожидалось, – будничным тоном, словно ее все это никак не касалось, сообщила принцесса огненных драконов, – все указывает на то, что Аксинита пыталась убить меня.

– Не может быть! – всплеснула руками Гиперса. – Она не могла так поступить!

– О думаю, что могла, – заверила ее Хиастолина. – Ей как

никому это выгодно, к тому же ее поддерживал Улексий.

Гиперса некоторое время хранила молчание, прежде чем спросить:

– Так значит ее казнят?

– Не получится, – Хиастолина была все так же спокойна, баюкая своего ребенка, – доказательств недостаточно.

– Если ты ничего не сделаешь – она не остановится, – предостерегла ее Гиперса. – Тебе нужно с ней поговорить. Припугнуть ее.

– Ты так считаешь? – Хиастолина задумчиво подняла брови и поудобнее устроилась в кресле. – Я тоже так думала, но вместо этого я поговорила с Улексием.

– И что же он сказал? – напряженно вопрошала ее Гиперса.

– Что любит Аксиниту, – Хиастолина безразлично повела плечами, – что во всем ее поддерживает, что делает все, чего она хочет, и не боится никаких последствий.

– Значит все сходится? – самая младшая из сестер печально вздохнула. – Они в сговоре.

Хиастолина не выдержала и засмеялась, заставляя свою тихую скромную собеседницу недоверчиво хмуриться.

– Нет, не сходится, – Хиастолина отрицательно покачала головой, если бы она сама не полюбила, если бы не знала, как выглядит мужчина, когда говорит о той, кого любит, то никогда бы не поняла этого. – Не сходится. А знаешь почему? Видишь ли, Улексий не любит Аксиниту, он любит тебя.

Так ведь?

– Это он так сказал? – поджала и без того тонкие губы Гиперса.

– О нет, – Хиастолина продолжала наслаждаться этим представлением, хотя внутри ей было совсем невесело. – Он верен тебе, дорогая сестра, можешь не сомневаться.

– Это всего лишь домыслы...

– Гиперса, – голос наследной принцессы на мгновение стал угрожающим. – Не надо испытывать мое терпение. Я хочу только задать пару вопросов, если ты не против. Во-первых, почему вы действительно не пытались меня убить, а в моей смерти обвинить Аксиниту?

– Все знают, что Аксинита слишком глупая и слабая, чтобы на самом деле причинить тебе вред, – скривилась Гиперса, и Хиастолина впервые увидела ее такой, какой она была на самом деле: мелочной озлобленной интриганкой. – Никто бы не поверил. К тому же у нас тоже не хватило бы на это сил.

– Поэтому вы решили просто нас сравить, – Хиастолина понимала это еще с самого начала, слишком нарочито все указывало на Аксиниту, и Гиперса была полной дурой, если думала, что умнее ее. – Вспыльчивая Аксинита не стала бы терпеть обвинений в свой адрес. Мы бы сцепились, и мне пришлось бы ее убить, чтобы защититься. Меня бы осудили и, если бы не казнили, то точно лишили бы права наследования. Тогда устранив все преграды на своем пути, ты спокойно взошла бы на престол.

– Я больше этого заслуживаю! – неожиданной запальчиво заявила Гиперса. – Я куда лучше вас обеих. Не моя вина, что я родилась последней.

– Ну, да, – безразлично согласилась Хиастолина. – Второе, как тебе удавалось мешать рождению наследника?

– Что? – на этот раз Гиперса искренне удивилась. – Зачем мне это делать? Твой ребенок не получит никаких прав, если ты сама не взойдешь на престол, а еще один представитель огненных драконов только усилит нашу власть.

Хиастолина задумалась. Разоблаченной Гиперсе не было никакого смысла врать. А это всего лишь означало, что врагов у нее гораздо больше одного. Что совсем не удивительно. Если она хотела править в этом мире, ей предстояло разобраться с каждым из них. Вот только Хиастолина уже не была так уверена в том, что оно того стоило. Она аккуратно встала и собиралась уже уходить, как Гиперса окликнула ее:

– Стой. Ты не сказала, что сделаешь со мной. Ты отдашь меня на суд или сама убьешь?

Хиастолина посмотрела на нее и тяжело вздохнула. Ей стало противно быть частью всего этого.

– Я слишком устала, – сказала она. – И не буду никого убивать.

– Но почему? – недоверчиво вскинулась Гиперса, чувствуя в ее словах подвох, которого не было.

– Не хочу, – резко сказала Хиастолина, и ее сестра вздрогнула от неожиданности. – Разве так сложно это понять? Могу

я хоть это себе позволить? Я не боюсь ни тебя, ни кого-либо еще. Если ты попытаешься снова причинить вред мне или моему ребенку, я навеки заточу тебя там, откуда ты уже не сможешь сеять зло.

Вместе с глубокой грустью чувствуя и большое облегчение, Хиастолина покинула покои Гиперсы. Ей больше не хотелось искать тех, кто желал ей зла. Теперь она хотела увидеть кого-нибудь, кто хоть немного любил ее, но Хиастолина была не уверена, что сможет найти таких в своем мире. С крупными надеждами в сердце она опустилась в подземелье, чтобы показать отцу новорожденного. Король драконов Динабон, огромный ящер сам величиной с небольшой замок, втянул ноздрями воздух и направился в ее сторону. Не удержавшись Хиастолина сильнее прижала к груди своего ребенка.

– Вот отец, – пересиливая страх, сказала она. – Наследник, которого ты велел мне родить. Я исполнила твой приказ. Ты доволен?

– Дай посмотреть на него, – вращая выпученными глазами, он опустил голову, заглядывая в сверток в ее руках. – Отвратительно, – неожиданно заявил Динабон. – Грязная кровь. Так не должно быть. Это не дракон. Убей!

Испугавшись, Хиастолина отшатнулась назад.

– Ты же сам приказал!

– Приказал, – бормотал он словно в бреду. – Я обязан, я король. Но это нельзя. Это отвратительно. Этого не должно

быть. Я приказал ей убить это.

«Ей», – Хиастолина ясно представила, как безразличная Ларима, у которой вместо сердца и мозгов были одни лишь дворцовые правила, одновременно выполняет сразу два приказа обезумевшего короля. По одному она приводит смертного и делает все, чтобы они выполнили условия Контракта и родился наследник. По другому – делает все чтобы этого не случилось.

– Ты не должна была создавать это, – проревел Динабон. – А я не должен был создавать вас.

Он попытался ударить ее своей гигантской лапой, но задел колонну. Ее обломки посыпались сверху на Хиастолину. Спасая себя и ребенка, она переместилась, но лишь на сотню шагов. В могущественном Динабоне было столько силы, что она подавляла энергию того, кто окажется поблизости, даже вытягивала ее. Если бы он не лишился рассудка, то мог бы уничтожить Хиастолину одной только мыслью. Но король драконов гнался по подземелью за своей дочерью, на бегу круша стены, случайно задевая головой потолок. Задышавшись, Хиастолина пыталась вырваться из-под влияния его силы и взлететь. Она прижимала к груди своего ребенка и осознание того, что от нее зависит не только ее жизнь, придало ей сил. Оставляя позади своего безумного отца и полуразрушенный замок, Хиастолина переместилась в другой мир, а оттуда в еще один. Она продолжала делать это до тех пор, пока не убедилась, что их никто не найдет. Наконец Хиасто-

лина опустилась на зеленую траву невысокого холма и, глядя как между гор садится солнце, погрузилась в мысли. Вся ее прошлая жизнь, которую тысячелетиями она считала единственно правильной, перечеркнулась. Рассыпалась на куски. Словно все было сном или обманом. Гиперса была неправа, чтобы причинить вред не нужно быть умным и сильным, напротив, чтобы так поступать нужно быть глупым и слабым. Хиастолина не чувствовала в себе достаточно терпения и упорства, чтобы исправить целый мир, в котором до этого жила, где она была никому не нужна. Во всей Вселенной было только одно место, где ее ждали.

Конец пути

Возле старой хижины Молес собирал в тюки и узелки свои пожитки. Он выполнил свою задачу и спас свой мир. Теперь, когда все стало хорошо, Молес решил, что ему стоит отправиться в путь. Он понимал, что если ничего не изменить и остаться здесь, то его сожрет до костей тоска по девушке с пепельными волосами. Когда над ним раздался ее голос, ему показалось это наваждением. Молес поднял голову и правда увидел гордую принцессу драконов. Она стояла рядом, окутанная желтыми солнечными лучами. У нее на руках был ребенок. Их ребенок.

– Привет, – сказала Хиастолина, и его сердце пустилось в пляс. – Я вижу, у тебя все получилось.

– А как иначе, – пряча красное от волнения лицо, Молес вернулся к своим узелкам. – Раз взялся за дело – доведи до конца. Я так считаю. А ты как? Получила корону?

– Оказывается этого никто не хочет, – все еще чувствуя боль в сердце от горького осознания, произнесла Хиастолина. – И даже я сама. Я думала меня все любят, а оказалось меня не любит никто.

– Ты что совсем глупая? – спросил Молес, выводя ее из себя своим вопросом. – Конечно же, тебя все любят. Как вообще тебя можно не любить? Просто они все глупые и недо-

стойны твоей любви. Только Великий Непобедимый Молес ее достоин.

– Ну конечно, – усмехнулась Хиастолина, она не знала, как это сказать, и сказала прямо. – Если твое предложение еще в силе...

Молес старался на нее не смотреть, потому что боялся спугнуть неожиданно нахлынувшее счастье, но не сдержался. Он вскочил на ноги и радостный взял у нее лепечущего что-то на своем ребенка.

– У нас мальчик или девочка? – спросил Молес.

– Мальчик, – улыбнулась Хиастолина, за все это время никто ее не спросил об этом, по правилам это не влияло на престолонаследие, а значит никого не интересовало.

– Значит, нужно будет еще девочек нарожать, – Молес махнул снующим по улице односельчанам. – У меня сын родился! – радостно крикнул он.

Вокруг них стали собираться улыбающиеся люди. Они бросили свои дела и подошли, чтобы посмотреть на сына их героя и поздравить их.

– Ты уже придумала ему имя? – спросил Молес.

– Я думала назвать его Бриназаром в честь прародителя всех драконов, – ответила Хиастолина.

– Ну нет, – взмолился Молес. – Не говори так. Почему бы не назвать его как-нибудь попроще? Сев, Ган, Тем. А еще лучше давай назовем его Эй! Это так удобно. Будем говорить ему: «Эй, иди кушать! Эй, иди спать!». По-моему, отличная

идея. Моего прадеда звали Эй. Честное слово.

– Какой же ты все-таки придурок, – покачала головой Хиастолина. – Мы не будем звать нашего сына Эй!

– Ты так и не научилась ругаться как следует.

Молес обнял девушку, которую любил всем сердцем, и впервые поцеловал ее в губы. Хиастолина ощутила, как в этом поцелуе сливаются их чувства. Никогда она еще не была так счастлива. И свободна. А впереди их ожидала долгая жизнь. Так закончилась история о том, как Молес сын кузнеца добыл Вечное пламя.